UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322843 4

Brusov, Valerii Iakovlevich

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

т. 3

Томъ III

Urbi et Orbi

(Стихи 1901—1904 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ"
1914

PRINTED IN RUSSIA

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY
AUG 9 1971

PG
3453
B7
1913a
t. 3

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ТОМЪ III

PG3453
.B7
1913

427715
32

Типографія М. М. Стасюлевича,
СПБ. Вас. остр., 5 лин., д. 28.

SCPM Syr

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ТОМУ.

III томъ моего „Собранія сочиненій“ весь занятъ четвертымъ сборникомъ моихъ стиховъ „Urbi et Orbi“. Такъ какъ оба изданія этой книги, и первое (М. 1903 г.) и второе („Пути и Перепутья“, т. II. М. 1908), довольно полно обнимали все, написанное мною въ стихахъ за опредѣленный періодъ времени,—въ настоящее изданіе внесено сравнительно немного дополненій. Тѣмъ не менѣе оно заключаетъ въ себѣ 24 стихотворенія, не включенныхъ въ сборники „Пути и Перепутья“, и въ томъ числѣ 12 стихотвореній и одну лирическую поэму („Во храмѣ Бэла“), которыя появляются въ печати впервые. VII баллада, которая была напечатана лишь одинъ разъ („Золотое Руно“ 1906 г. № 1), не могла быть помѣщена въ этомъ собраніи, по условіямъ нашей печати. Три стихотворенія, никогда не входившія въ составъ книги, но напечатанныя мною, въ періодическихъ изданіяхъ, въ тѣ же годы, когда писался этотъ сборникъ, воспроизведены въ приложеніи, также какъ и отрывки незаконченныхъ поэмъ.

Валерій Брюсовъ.

Май 1914.

URBI ET ORBI

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВЪ

1901 — 1903

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

К. Д. Бальмонту,

другу и брату.

ВСТУПЛЕНІЯ.

I.

По улицамъ узкимъ, и въ шумѣ и ночью, въ театрахъ, въ садахъ я бро
И въ явственной думѣ грядущее видя, за жизнью, за сущимъ слѣдилъ
Я пѣсни слагалъ вамъ о счастьи, о страсти, о высяхъ, границахъ, пут
О прежнихъ столицахъ, о будущей власти, о всемъ распростертомъ во п
Спокойныя башни, и бѣлыя стѣны, и пѣна раздробленныхъ рѣкъ,
Въ восторгѣ всегдашнемъ, дрожали, внимали стихамъ, прозвучавшимъ на
И дѣвы и юноши встали, встрѣчая, вѣнчая меня какъ царя,
И, тѣнямъ подобно, лилась по ступенямъ потокомъ широкимъ заря.
Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!
Я создалъ, и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опят

1901.

II.

ЛѢСТНИЦА.

Все каменнѣй ступени,
Все круче, круче всходъ.
Желанье достиженій
Еще влечетъ впередъ.

Но думы безнадежнѣй
Подъ пылью долгихъ лѣтъ.
Увѣренности прежней
Въ душѣ упорной—нѣтъ.

Помедливъ на мгновенье,
Бросаю взглядъ назадъ:
Какъ бѣлой цѣпи звенья—
Ступеней острыхъ рядъ.

Ужель въ былomъ ступала
На всѣ нога моя?
Давно ушло начало,
Въ безбрежности края,

И лѣстница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтобъ стать звѣздой падучей
На небѣ бытія?

1902.

II.

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ.

Гдѣ я послѣднее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду-ль немыслимое знанье,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли въ скитъ уединенный,
Горящій главами въ лѣсу,
И въ келью бредъ неутоленный
Къ ночной лампадѣ понесу?

Иль въ городѣ, гдѣ стѣны давятъ,
Въ часы безумныхъ баррикадъ,
Когда Мечта и Буйство правятъ,
Я слиться съ жизнью буду радъ?

Иль, навсегда привѣтивъ книги,
Вѣковъ мечтами упоенъ,
Я вамъ отдамся,—миги! миги!—
Бездонный, многозвонный сонъ?

Я разныхъ ратей былъ союзникъ,
Носилъ чужія знамена,
И вотъ опять, какъ алчный узникъ,
Смотрю на волю изъ окна.

1902.

IV.

У СЕБЯ.

Такъ все понятно и знакомо,
Ко всѣмъ изгибамъ глазъ привыкъ;
Да, не ошибся я, я—дома:
Цвѣты обоевъ, цѣпи книгъ...

Я старый пепелъ не тревожу,—
Здѣсь былъ огонь и вотъ остылъ.
Какъ змѣй на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ.

Пусть много гимновъ не допѣто
И не исчерпано блаженствъ,
Но чую блескъ иного свѣта,
Возможность новыхъ совершенствъ!

Меня зоветъ къ безвѣстнымъ высямъ
Въ горахъ поющая весна,
А эта груда женскихъ писемъ
И не жива, и холодна!

Лучей зрачки горятъ на росахъ,
Какъ серебромъ все залито...
Ты ждешь меня у двери, посохъ!
Иду! иду! со мной—никто!

1901.

V.

ПОБѢГЪ.

И если страстный, въ часъ завѣтный,
Заслышу я мой трубный звукъ...

Tertia Vigilia.

Мой трубный гласъ, ты мной заслышанъ
Сквозь утомленный, сладкій сонъ!
Альковъ, таинственъ и пышенъ,
Насъ облегалъ со всѣхъ сторонъ.

И въ этой мглѣ прошли—не знаю,—
Быть можетъ, годы и вѣка.
И я былъ странно близокъ раю,
И жизнь шумѣла, далека.

Но вздрогнулъ я, и вдругъ воспрянулъ,
И разорвалъ кольцо изъ рукъ.
Какъ молнія, мнѣ въ сердце глянулъ
Побѣдно возраставшій звукъ.

И сонъ, который былъ такъ дологъ,
Вдругъ краткимъ сталъ, какъ все во снѣ.
Я распахнулъ тяжелый пологъ
И потонулъ въ палящемъ днѣ.

Въ послѣдній разъ взглянулъ я свыше
Въ мое высокое окно:
Увидѣлъ солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мнѣ открылась новой,
Въ тотъ полный и мгновенный мигъ,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспѣненный родникъ.

И я—въ слезахъ, что снова, снова
Душѣ открылся міръ другой,
Бѣгу отъ пышнаго алькова,
Безумный, вольный и нагой!

1901.

VI.

РАБОТА.

Здравствуй, тяжкая работа,
Плугъ, лопата и кирка!
Освѣжаютъ капли пота,
Ноетъ сладостно рука!

Прочь вѣнки, дары царевны,
Упадай порфира съ плечъ!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная рѣчь!

Я хочу извѣдать тайны
Жизни мудрой и простой.
Всѣ пути необычайны,
Путь труда, какъ путь иной.

Въ часъ, когда устанетъ тѣло,
И ночлегомъ будетъ хлѣвъ,—
Мнѣ подъ кровлей закоптѣлой
Что̀ приснится за напѣвъ?

Что̀ возстанутъ за вопросы,
Опьянятъ что̀ за слова,
Въ часъ, когда подъ наши косы,
Ляжетъ влажная трава?

А когда, и въ дождь, и въ холодъ,
Зазвенитъ кирка моя,
Буду-ль вѣрить, что я молодъ,
Буду-ль знать, что силенъ я?

1901.

VII.

МЕЧТАНІЕ.

О, неужели день придетъ
И я въ слезахъ и умиленьи
Увижу этотъ небосводъ
Какъ вѣрный кругъ уединенья.

Пойду въ поля, пойду въ лѣса
И буду тамъ вездѣ одинъ я,
И будутъ только небеса
Друзьями счастья и унынья!

Мнѣ ненавистна комнатъ тишь,
Мнѣ тяжело входить подъ кровлю.
Люблю просторъ, люблю камышъ,
Орла летящаго на ловлю.

Хочу дождя, хочу вѣтровъ,
И каждый день мѣнять жилище!
Упасть безсильнымъ въ тяжкій ровъ,
Среди слѣпцовъ бродить, какъ нищій.

Межъ ними, гдѣ нависъ заборъ,
Я раздѣлю ихъ братскій ужинъ,
А ночью встрѣтитъ вольный взоръ
Лишь глубину да сѣть жемчужинъ.

Случайный гость въ толпѣ любой
Я буду дорогъ, хоть и страненъ,
Смѣшонъ невольной похвальбой,
Но вѣчной бодростью желаненъ.

И женщина—подруга дня—
Ко мнѣ прильнетъ, дрожа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцѣлуя!

1901.

VIII.

ИСКАТЕЛЬ.

О, прекрасная пустыня!
Прими мя въ свою густыню.

Народный стихъ.

Пришелъ я въ крайнія пустыни,
Брожу въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ путей,
И долго мнѣ не быть отнынѣ
Среди ликующихъ людей!

За мной—послѣдняя просѣка,
Въ грозящей чащѣ нѣтъ слѣда.
Въ напѣвы птицъ зовъ человѣка
Здѣсь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Какъ примутъ тишину мечты?
Какъ будутъ радоваться маю,
Встрѣчая странные цвѣты?

Быть можетъ, на тропахъ звѣриныхъ,
Въ зеленыхъ тайнахъ одичавъ,
Навѣкъ останусь я въ лощинахъ
Впивать дыханье жгучихъ травъ.

Быть можетъ, заблудясь, устану,
Умру въ травѣ подъ шелестъ змѣй,
И долго черезъ ту поляну
Не перевьется слѣдъ ничей.

А, можетъ, вѣренъ путь, и вскорѣ
Настанетъ невозможный часъ,
И минетъ лѣсъ—и глянетъ море
Въ глаза мнѣ милліономъ глазъ.

1901.

IX.

НИТЬ АРІАДНЫ.

Вперяю взоръ, безсильно жадный:
Вездѣ кругомъ сырая мгла.
Какимъ путемъ нить Аріадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И залъ круги и лѣстницъ винтъ,
Изъ міра солнца и свободы
Вступилъ я, дерзкій, въ лабиринтъ.

Въ рукахъ я несъ клубокъ царевны,
Я шелъ и пѣлъ; тянулась нить.
Я счастливъ былъ, что жаръ полдневный
Въ подземной тьмѣ могу избыть.

И, видѣвъ странные чертоги
И посмотрѣвъ на чудеса,
Я повернулъ на полъ-дорогѣ,
Чтобъ выйти вновь подъ небеса,

Чтобъ послѣ тайнъ безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтобъ цѣловать подругу въ очи,
Прочтя завѣтныя слова...

И долго я бѣжалъ по нити
И ждалъ: пахнетъ весна и свѣтъ.
Но воздухъ былъ все ядовитѣй
И гуще тьма... Вдругъ нити—нѣтъ.

И я одинъ въ беззвучномъ залѣ.
Мой факелъ пальцы мнѣ обжегъ.
Завѣсой сумерки упали.
Въ бездонномъ мракѣ нѣтъ дорогъ.

Я, путешественникъ случайный,
На подвигъ трудный обреченъ.
Мститъ лабиринтъ! Святыя тайны
Не выдаетъ пришельцамъ онъ.

1902.

X.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель...

Пушкинъ.

Ужели, перешедши рѣки,
Завижу я мой отчій домъ
И упаду, какъ отрокъ нѣкій,
Повергнутъ скорбью и стыдомъ?

Я уходилъ, исполненъ вѣры,
Какъ лучникъ опытный на ловъ,
Мнѣ снились тирскія гетеры
И сонмъ сидонскихъ мудрецовъ.

И вотъ, что̀ грезилось, все было:
Я видѣлъ все, всего достигъ.
И сердце жгучихъ ласкъ вкусило,
И умъ рѣчей, мудрѣе книгъ.

Но, расточивъ свои богатства
И кубки всѣхъ отравъ испивъ,
Какъ воръ, свершившій святотатство,
Бѣжалъ я въ міръ лѣсовъ и нивъ.

Я одиночество, какъ благо,
Привѣтствовалъ въ ночной тиши,
И травъ серебряная влага
Была бальзамомъ для души.

И вдругъ такимъ недостижимымъ
Представился мнѣ домъ родной,
Съ его всходящимъ тихо дымомъ
Надъ высыхающей рѣкой!

Гдѣ въ годы ласковаго дѣтства
Святыней чувствъ владѣлъ и я,—
Мной расточенное наслѣдство
На яркомъ пирѣ бытія!

О,—еслибъ было вновь возможно
На міръ лицомъ къ лицу взглянуть,
И безраздумно, безтревожно
Въ мгновеньяхъ жизни потонуть!

1902.

XI.

У ЗЕМЛИ.

Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.

Лермонтовъ.

Помоги мнѣ, мать-земля!
Съ тишиной меня сосватай!
Глыбы черныя дѣля,
Я стучусь къ тебѣ лопатой.

Ты всему живому—мать,
Ты всему живому—сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мнѣ въ комьяхъ праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь послѣднимъ бракомъ!
Ты вѣнчаешь съ вѣтромъ тишь,
Лугъ съ росой, зарю со мракомъ.

Помоги сыскать кольцо!..
Я объ немъ безъ слезъ тоскую
И, упавъ, твое лицо
Въ губы черныя цѣлую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтахъ, на гранитахъ...
Хорошо мнѣ здѣсь лежать
На грядахъ, недавно взрытыхъ.

Я—твой сынъ, я тоже—прахъ,
Я, какъ ты,—звено созданій.
Такъ откуда—страсть и страхъ,
И безсонный бредъ исканій?

Въ синевѣ плыветъ весна,
Вѣтеръ вольно носитъ шумы...
Гдѣ ты, дѣва-тишина,
Жизнь безъ жажды и безъ думы?..

Помоги мнѣ, мать! Къ тебѣ
Я стучусь съ послѣдней силой!
Или ты, въ отвѣтъ мольбѣ,
Обручишь меня—съ могилой?

1902.

XII.

ВЪ ОТВѢТЪ.

П. П. Перцову.

Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

А. Хомяковъ.

Еще я долго поброжу
По бороздамъ земного луга,
Еще не скоро отрѣшу
Вола усталаго—отъ плуга.

Впередъ, мечта, мой вѣрный волъ!
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай!

Нельзя намъ мига отдохнуть,
Взрывай земли сухія глыбы!
Недологъ день, но длиненъ путь,
Веди, веди свои изгибы!

Ужъ полдень. Жаръ палитъ сильнѣй.
Не скоро тѣнь надъ нами ляжетъ.
Пустыненъ кругозоръ полей.
„Богъ—помочь!“ намъ никто не скажетъ.

А помнишь, какъ пускались мы
Весеннимъ, свѣжимъ утромъ въ поле
И думали до сладкой тьмы
Съ другими рядомъ пѣть на волѣ?

Забудь объ утренней росѣ,
Не думай о ночномъ покоѣ!
Иди по знойной полосѣ.
Мой вѣрный волъ,—насъ только двое!

Намъ Кѣмъ-то Высшимъ подвигъ данъ
И спроситъ властно Онъ отчета...
Трудись, пока не легъ туманъ,
Смотри: лишь начата работа!

А въ часъ, когда намъ темнота
Закроетъ всѣ предѣлы круга,
Не я, а тотъ, Другой,—мечта,
Самъ отрѣшитъ тебя отъ плуга!

1903.

ПѢСНИ.

I.

ФАБРИЧНАЯ.

Какъ пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарилъ онъ ей цвѣтокъ—
Темносиній василекъ.

Я-ль не звалъ ее въ бесѣдку?
Предлагалъ я ей браслетку.
Она сердца не взяла,
И съ другимъ гулять пошла.

Какъ они другъ другу любы!
Онъ ее цѣлуетъ въ губы,
И не стыдно имъ людей,
И меня не видно ей.

Онъ улеститъ, онъ упроситъ,
Стыдъ дѣвичій она броситъ!
Ихъ до дома провожу,
Передъ дверью посижу.

Будетъ лампы свѣтъ въ окошкѣ...
Различу ея сережки...
Вдругъ погаснетъ тихій свѣтъ,—
Я вздохну ему въ отвѣтъ.

Буду ждать я утра въ скверѣ,
Она выйдетъ изъ той двери.
На груди ея цвѣтокъ,—
Темносиній василекъ.

1901.

II.

ФАБРИЧНАЯ.

Есть улица въ нашей столицѣ.
Есть домикъ, и въ домикѣ томъ
Ты пятую ночь въ огневицѣ
Лежишь на одрѣ роковомъ.

И каждую ночь регулярно
Я здѣсь подъ окошкомъ стою,
И сердце мое благодарно,
Что видитъ лампадку твою.

Ахъ, если-бъ ты чуяла, знала,
Чье сердце стучитъ у окна!
Ахъ, если-бъ въ бреду угадала,
Чья тѣнь поминутно видна!

Не снятся-ль тебѣ наши встрѣчи
На улицѣ, въ жуткій морозъ,
Иль наши любовныя рѣчи
И ласки, и ласки до слезъ?

Твой мужъ, задремавши на стулѣ,
Проспитъ, что̀ ты шепчешь въ бреду;
А я до зари караулю
И только при солнцѣ уйду.

Мнѣ вечеромъ дворники скажутъ,
Что ты поутру отошла,
И молча въ окошко укажутъ
Тебя посединѣ стола.

Войти я къ тебѣ не посмѣю,
Но, земный поклонъ положивъ,
Пойду изъ столицы въ Рассею
Рыдать на раздолiи нивъ.

Я въ камняхъ промучился долго,
И въ нихъ загубилъ я свой вѣкъ.
Прими меня, матушка Волга,
Царица великая рѣкъ.

1901.

III.

ДѢТСКАЯ.

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тѣни свѣсило,
Расшумимся весело,
Бѣгать намъ пора!

Разъ, два, три, четыре, пять,
Бѣгомъ тѣни не догнать.
Слово скажешь, въ траву ляжешь,
Черной цѣпи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между нихъ вертись, вертись.

Что̀ подъ нами, подъ цвѣтами,
За желѣзными столбами?
Кто на тронѣ? кто въ коронѣ?
Вѣтеръ высью листья гонитъ
И уронитъ съ высоты...
Я ли первый, или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тѣни свѣсило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

1901.

IV.

СБОРЩИКОВЪ.

Пожертвуйте, благодѣтели,
На новый колоколъ,—
Гласъ Господень.
Звонъ колокольный
Съ напѣвомъ ангельскимъ
Дивно сходенъ.

Святые отшельники
Въ видѣньяхъ слышали
Ликъ небесный;
Святые отшельники
Вѣрно запомнили,
Нездѣшнія пѣсни.

Нашъ звонъ православный
Напѣвомъ ангельскимъ
Поетъ и трубитъ.
Пожертвуйте, православные,
На новый колоколъ,
Что̀ милость будетъ.

Васъ Богъ не забудетъ.

1898.

V.

СОЛДАТСКАЯ.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ?—Изволь!

Колотили мы и шведа
Подъ Полтавой въ дни Петра,
Или внуки хуже дѣда?
Или та прошла пора?

Фридрихъ нѣмецъ куралесилъ,
Къ намъ совался, вражій сынъ.
Мы ему посбили спеси
Хвать—и заняли Берлинъ.

Бонапарте велъ французовъ,
Жегъ Москву, а вотъ пойди-жъ!
Заморилъ ихъ всѣхъ Кутузовъ,
Да и мы пришли въ Парижъ.

Подступали англичане
И на Крымѣ обожглись.
Севастопольскія брани
Въ мірѣ громомъ отдались.

Ну, а что до этихъ турокъ,
Это намъ бывалый врагъ.
Жаль, султанъ ихъ очень юрокъ,—
Не добьешь его никакъ.

Итальянцевъ нашъ Суворовъ
Артикуламъ обучалъ;
И смирилъ полякъ свой норовъ
Въ дни, когда забунтовалъ.

Мы взбѣжали на Памиры,
Съ нихъ не двинемся назадъ.
Императорской порфиры
Край упалъ на Араратъ.

Отъ Индѣи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ
Силы бѣлаго Царя.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что-ль?
Шапками ихъ закидаемъ.
Воевать хотятъ?—Изволь.

1902.

VI.

ДѢВИЧЬЯ.

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Какъ ты, бѣдный другъ, страдаешь
Подъ гудѣнье, за станкомъ,
Какъ, закрывъ лицо, рыдаешь,
Что съ весельемъ незнакомъ.

Что мнѣ сдѣлать, неудачной?
Чѣмъ мнѣ милому помочь?...
Полно мнѣ считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуарѣ
Я богатому купцу,
Укачу я съ нимъ на парѣ,
До утра съ нимъ прокучу.

Будутъ серьги, будетъ брошка,
Будутъ деньги въ портмонэ.
Я себѣ возьму немножко,—
За другимъ приди ко мнѣ.

Подарю тебѣ часы я
На цѣпочкѣ золотой...
Можетъ, деньги и чужія,
Да подарокъ будетъ мой!

Если съ кѣмъ я цѣловалась,—
Онъ уѣхалъ въ Верею.
Я тебѣ вѣрна осталась,
Ты, котораго люблю.

1901.

VII.

ВЕСЕЛАЯ.

Дай мнѣ, Ваня, четвертакъ,
Пожертвуй полтинникъ!
Что ты нынче веселъ такъ,
Словно именинникъ?

Раскошелься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтобъ пьяной быть
До обѣда, влежку,
Чтобъ поутру не тужить
Про нашу дорожку.

Чтобы щеки отъ тѣхъ слезъ,
Бѣлыя, не пухли,
Я румянюсь ярче розъ
Подвиваю букли.

Если-жъ станетъ невтерпежъ
Съ мутнаго похмѣлья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я часъ—другой,
Гдѣ-то мой сударикъ?
Помни, помни, другъ милой,
Красненькій фонарикъ!

1901.

БАЛЛАДЫ.

I.

РАБЪ.

Я—рабъ, и былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ.
Предъ взоромъ, пламеннымъ и чернымъ,
Я молча повергался ницъ.

Я лобызалъ слѣды сандалій
На влажномъ утреннемъ пескѣ.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла къ рѣкѣ.

И разъ—мой взоръ, сухой и страстный,
Я удержать въ пыли не могъ,
И онъ скользнулъ къ лицу прекрасной,
И очи бѣгло ей обжегъ...

И вздрогнула она отъ гнѣва,
Казнь—оскорбителямъ святыни!
И вдаль пошла—среди напѣва
За ней толпившихся рабынь.

И въ ту же ночь я былъ прикованъ
У ложа царскаго, какъ песъ.
И весь дрожалъ я, очарованъ
Предчувствіемъ безвѣстныхъ грезъ.

Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ.

И падали ея одежды
До ткани, бывшей на груди...
И въ ужасѣ сомкнулъ я вѣжды...
Но голосъ мнѣ шепнулъ: гляди!

И юноша скользнулъ къ постели.
Она, покорная, ждала...
Лампадъ свѣтильни прошипѣли,
Настала тишина и мгла.

И было все на бредъ похоже!
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что̀ тайно кроетъ ложе,
Ихъ содроганій, стоновъ ихъ.

Я утромъ увидалъ ихъ—рядомъ!
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ!
И вплоть до дня впивался взглядомъ,—
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песъ.

Вотъ сосланъ я въ каменоломню,
Дроблю гранитъ, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если-бъ пережить все—вновь!

1901.

II.

ПЕПЛУМЪ.

Знаю сумрачный находъ
Страсти, медленно пьянящей:
Словно шумъ далекихъ водъ,
Водопадъ въ скалахъ кипящій.

Я иду, иду одна
Вдоль стѣны, укрыта тѣнью:
Знаю: ночь посвящена
Наслажденью и паденью.

Статный юноша пройдетъ,
Щитъ о мечъ случайно брякнетъ,—
Громче шумъ бѣгущихъ водъ,
Водопадъ мой не изсякнетъ!

Наконецъ, безъ силъ, безъ словъ,
Дрожь въ рукахъ и взоры смутны,
Я заслышу жданный зовъ—
Быть подругою минутной.

Я пойду за нимъ, за нимъ
Въ переулокъ опустѣлый,
Черный плащъ его, какъ дымъ,
Пеплумъ мой, какъ саванъ бѣлый.

Я войду къ нему, къ нему...
О, скорѣй гасите свѣчи!
Я хочу вступить во мглу.
Свѣтъ померкъ, померкли рѣчи.

Кто-то... гдѣ-то... чьихъ-то рукъ
Слышу, знаю впечатлѣнья.
Я хочу жестокихъ мукъ,
Ласкъ и мукъ безъ промедленья.

Набѣгаетъ сумракъ вновь,
Сумракъ съ отсвѣтомъ багрянымъ.
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранамъ?

Ночь—какъ тысяча вѣковъ,
Ночь—какъ жизнь въ поляхъ за Летой.
Гасну въ запахѣ цвѣтовъ,
Сплю въ водѣ, лучомъ согрѣтой...

...Въ прорѣзь узкаго окна
Глянетъ утро взоромъ бѣлымъ.
Прочь! оставь!—иду одна
Переулкомъ опустѣлымъ.

Сладко нѣжитъ тишина,
Съ тишиной роднится тѣло,
Стѣнъ воскресшихъ бѣлизна
Оттѣняетъ пеплумъ бѣлый.

1901.

III.

РАБЫНИ.

Она была какъ свѣтъ прекрасна,
И какъ сіяніе свѣтла.
Она къ намъ въ душу тѣнью страстной,
Отрадой сладостной вошла.

Она царевна, мы—рабыни.
Двѣ эѳіопки, цѣлый день
Мы вѣеръ двигали павлиній,
Ей тихо навѣвая тѣнь.

Когда же время наступало
Устать, мы въ ложницѣ надъ ней
Опять качали опахало,
И тихъ былъ вѣтеръ межъ тѣней.

И мы мечты не утаили,
Дала намъ смѣлость темнота—
Къ ногамъ, бѣлѣе бѣлыхъ лилій,
Прижать кровавыя уста.

И съ этихъ поръ, едва темнѣло.
И жизнь нѣмѣла въ снѣ ночномъ,
Въ опочивальнѣ къ тѣлу тѣло—
Сближали мы, таясь, втроемъ.

Но мы, стыдясь себя на ложѣ,—
Близъ ангела двѣ дщери тьмы!—
И здѣсь ей поклонялись тоже,
И здѣсь служили рабски мы!

Иль было ей восторговъ мало?
И этихъ ласкъ и этихъ губъ?
Она иного пожелала,—
Но ласкъ не пожелаетъ трупъ!

Онъ былъ царевичъ и мужчина,
Онъ былъ и силенъ и красивъ,
Но онъ не вкуситъ ни единый
Ея младенческій порывъ!

Я подала ей чашу съ ядомъ,
О, спи! твой сонъ глубокъ и строгъ!
И мы съ тобой на ложѣ рядомъ
Въ послѣдній разъ у этихъ ногъ.

1902.

IV.

ПОМПЕЯНКА.

„Мнѣ первымъ мужемъ былъ купецъ богатый,
Вторымъ поэтъ, а третьимъ жалкій мимъ,
Четвертымъ консулъ, нынѣ евнухъ пятый,
Но кесарь самъ меня сосваталъ съ нимъ.

Меня любилъ имперіи владыка,
Но мнѣ былъ любъ одинъ нубійскій рабъ,
Не жду надъ гробомъ: „casta et pudica“,
Для многихъ поясъ мой былъ слишкомъ слабъ.

Но ты, мой другъ, мизіецъ мой стыдливый!
Навѣкъ, навѣкъ тебѣ я предана.
Не вѣрь, дитя, что женщины всѣ лживы:
Межъ ними вѣрная нашлась одна!“

Такъ говорила, не дыша, блѣднѣя,
Матрона Лидія, какъ въ смутномъ снѣ;
Забывъ, что вся взволнована Помпея,
Что надъ Везувіемъ лазурь въ огнѣ.

Когда жъ безъ силъ любовники застыли,
И покорилъ ихъ необорный сонъ,
На городъ пали груды сѣрой пыли,
И городъ былъ подъ пепломъ погребенъ.

Вѣка прошли; и, какъ изъ алчной пасти,
Мы вырвали былое изъ земли.
И двое тѣлъ, какъ знакъ безсмертной страсти,
Нетлѣнными въ объятіяхъ нашли.

Поставьте выше памятникъ священный,
Живое изваянье вѣчныхъ тѣлъ,
Чтобъ память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предѣлъ!

1902.

V.

МЕССАЛИНА.

Я, желаніемъ сгорая,
Страсти въ Римѣ не нашла,
И рабовъ съ береговъ Дуная
Дикихъ даковъ позвала.

Ихъ троихъ поочередно
Евнухъ мой вводилъ въ чертогъ,
Но безцѣльно, но безплодно—
Утолить меня не могъ.

Было мнѣ на ложѣ тѣсно,
По дворцу бродила я,
И прошла въ покой безвѣстный,
Гдѣ стоитъ постель твоя!

Мальчикъ! мальчикъ мой! будь смѣлымъ!
Отослала я рабынь.
Дай упиться бѣлымъ тѣломъ,
Всѣ покровы съ членовъ скинь.

Есть въ твоемъ недоумѣньи
Непостигнутая страсть.
Все поймешь ты въ наслажденьи...
Дай къ ногамъ твоимъ припасть.

Тише, тише, скоро! скоро!
Близокъ общій нашъ палачъ!
Ахъ, и свѣтъ ушелъ отъ взора...
Мальчикъ, мальчикъ мой, не плачь!

1902.

VI.

ПУТНИКЪ.

По бѣломраморнымъ ступенямъ
Царевна сходитъ въ тихій садъ—
Понѣжить грудь огнемъ осеннимъ,
Сквозной листвой понѣжить взглядъ.

Она аллеей къ степи сходитъ,
Съ ней эѳіопскіе рабы.
И солнце острый лучъ наводитъ
На ихъ лоснящіеся лбы.

Гдѣ у границъ безводной степи,
Замкнувъ предѣлъ цвѣтовъ и влагъ,
Стоятъ столбы и дремлютъ цѣпи,—
Царевна задержала шагъ.

Лепечутъ пальмы; шумъ фонтанный
Такъ радостенъ издалека,
И вѣтеръ, весь благоуханный,
Летитъ въ пустыню съ цвѣтника.

Царевна смотритъ въ дѣтской дрожи,
Въ ея большихъ глазахъ—слеза.
Красивый юноша-прохожій
Простерся тамъ, закрывъ глаза.

На немъ хитонъ простой и грубый,
У ногъ дорожная клюка.
Его запекшіяся губы
Скривила жажда и тоска.

Зоветъ царевна: „Братъ безвѣстный,
Приди ко мнѣ, сюда, сюда!
Вотъ здѣсь плоды въ корзинѣ тѣсной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя къ фонтанамъ,
Рабыни умастятъ тебя.
Въ моемъ покоѣ златотканномъ
Къ тебѣ я припаду, любя.“

И путникъ, взоръ поднявъ неспѣшно,
Глядитъ, какъ царь, на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрѣшна,
Она—какъ юная заря.

Но онъ въ отвѣтъ: „Сойди за цѣпи,
И кубокъ мнѣ сама подай!“
Закрылъ глаза бѣднякъ изъ степи.
Фонтаны бьютъ. Лепечетъ рай.

Блѣднѣетъ и дрожитъ царевна.
Лежатъ невольники у ногъ.
Она растерянно и гнѣвно
Бросаетъ кубокъ на песокъ.

Идетъ къ дворцу аллеей сада
Съ ней эѳіопскіе рабы...
И смѣхъ чуть слышенъ за оградой,
Гдѣ степь, и цѣпи, и столбы.

1903.

VII.

1901.

VIII.

АДАМЪ.

Дочь моя, помедли, дѣва!
Глазъ твоихъ не узнаю.
Ты свѣтла, какъ мать, какъ Ева,
Въ тотъ мгновенный день, въ раю.

Нѣтъ, не юность, въ сладкой дрожи,
Пламя мнѣ палило кровь.
Новосозданный и Божій,
Я позналъ тогда любовь!

Міра сдавленныя силы
Переполнили мнѣ грудь.
Я, свободный, я, безкрылый,
Жаждалъ въ небѣ потонуть.

И когда одно лобзанье
Въ уголь намъ сожгло сердца,
Мы постигли міросданье
Навсегда и до конца!

Дочь моя, помедли, дѣва!
Звѣзды выступятъ въ ночи.
Здѣсь со мной, какъ матерь Ева,
Ты пребудь и опочій.

Борода моя сѣдая
Скроетъ бѣлость этихъ плечъ.
Пусть, грозя, предъ дверью рая
Многоцвѣтный блещетъ мечъ!

Древо жизни—недоступно,
Плодъ познанья—я таю.
Дѣва, дѣва! будь преступна!
Будешь ты со мной въ раю.

1902.

IX.

ВЪ СУМРАКѢ.

Сумракъ жгучій, сумракъ душный,
Лунный отблескъ на стѣнѣ...
Замирающій, воздушный,
Жуткій шопотъ въ тишинѣ.

„Милый, милый! вновь мы рядомъ,
Нынче тѣ же, что вчера:
Смуглый ликъ мой—вызовъ взглядамъ,
Какъ разсвѣтъ—блѣдна сестра!

„Яды ласкъ и тайны тѣла
Свѣдавъ, зная,—я горда,
Но сестра зоветъ несмѣло
Съ дѣтскимъ трепетомъ стыда!

„Углемъ устъ мы жадно будемъ
Припадать къ твоей груди.
Словно углемъ, къ жаднымъ грудямъ
Ты устами припади!

„Насъ пьяня единымъ хмелемъ,
Двухъ безумныхъ не ревнуй!
Обѣ слышимъ, обѣ дѣлимъ
Каждый данный поцѣлуй!“

Жуткій шорохъ, вскрикъ минутный,—
Въ тишинѣ мелькнувшій звукъ,—
Тѣней муть и образъ смутный
Изъ шести сплетенныхъ рукъ.

1903.

X.

РѢШЕТКА.

Между нами частая рѣшетка,
Въ той тюрьмѣ, гдѣ мы погребены.
Днемъ лучи на ней мерцаютъ кротко,
Проходя въ окно, въ верху стѣны.

Между нами кованые брусья,
Проволокъ межъ нихъ стальная сѣть.
До твоей руки не дотянусь я,—
Въ очи только можемъ мы смотрѣть...

Тщетно ближу губы сладострастно,—
Лишь желѣзо обжигаетъ ихъ...
Смутно вижу, въ полутьмѣ неясной,
У рѣшетки—очеркъ губъ твоихъ.

И весь день, пока на темной стали
Тамъ и сямъ мелькаетъ лучъ дневной,
Въ содроганьяхъ страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты—мной!

Насъ разводитъ сумракъ. На соломѣ
Мы лежимъ, уйдя въ свои углы;
Тамъ томимся въ сладострастной дремѣ,
Другъ о другѣ грезимъ въ тайнѣ мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть можетъ, нѣтъ для насъ отрады
Слаще пытки вашей, палачи!

1903.

XI.

У МОРЯ.

Когда встрѣчалось въ дѣтствѣ горе
Иль безпричинная печаль,—
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нерѣдко на скалѣ прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнамъ и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Слѣдила яркихъ рыбъ стада...
И все прозрачнѣй мнѣ казалась
До безконечности вода.

И гдѣ-то въ глубинѣ бездонной
Я различала, наконецъ,
Весь сводчатый и стоколонный
Царя подводнаго дворецъ.

Въ блестящихъ залахъ изъ корала,
Гдѣ жемчуговъ сверкаетъ рядъ,
Я, вся волнуясь, различала
Подводныхъ дѣвъ горящій взглядъ.

Онѣ ко мнѣ тянули руки,
Шептали что-то, въ глубь маня,—
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.

И знала я, что тамъ, глубоко,
Есть души, родственныя мнѣ;
И я была не одинока
Здѣсь, на палящей вышинѣ!

Когда душѣ встрѣчалось горе
Иль безпричинная печаль,
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

1902.

XII.

МАЛЬЧИКЪ.

Ея слова какъ пальцы были просты,
Печали не было въ чертахъ лица,
Кричали мы разнузданные тосты,
Она смѣялась съ нами до конца.

Она пила шампанское, какъ всѣ мы,
Тускнѣли видимо ея глаза,
Все откровеннѣй становились темы,
Несдержаннѣй и громче голоса.

Но вмѣшиваясь въ наши разговоры
И говоря безстыдныя слова,
Она казалась мальчикомъ, который
Отстаиваетъ взрослаго права.

Мы послѣ ужина остались двое,
Я къ ней присѣлъ на узкую кровать...
Но сразу стало страннымъ все ночное,
Лишь я ее посмѣлъ поцѣловать.

Ея объятья были гибки, кратки,
(Она выскальзывала вдругъ, какъ змѣй),
Безъ наслажденія, но жгуче сладки,
И кажется такими были ей.

И вновь она тянулась къ сладострастью,
Какъ къ цѣли, вновь не доходя ея,
Словами, силой, непонятной властью
Смиряя нетерпѣніе мое.

И утро освѣтило насъ безсонныхъ.
Какъ братья говорили дружно мы
О странности часовъ неутоленныхъ,
Но оба словно опасались тьмы.

И словно былъ межъ нами третій кто-то
Исчезнувшій при первомъ всплескѣ дня...
А дѣвушкѣ я денегъ далъ безъ счета.
Она взяла, поцѣловавъ меня.

1902.

ДУМЫ.

I.

L'ENNUI DE VIVRE...

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ,
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны риѳмъ въ стихахъ.
Желалъ бы я не быть „Валерій Брюсовъ".
Не предъ людьми—отъ нихъ уйти легко—
Но предъ собой, передъ своимъ сознаньемъ,—
Уже въ былое цѣпь уходитъ далеко,
Которую зовутъ воспоминаньемъ.
Склонясь, иду впередъ, растущій грузъ влача:
Дней, лѣтъ, именъ, восторговъ и паденій.
Со мной мои стихи бѣгутъ, крича,
Грозятъ мнѣ замысловъ недовершенныхъ тѣни,
Слѣпятъ глаза сверканья, безъ числа,
(Слова изъ книгъ, истлѣвшихъ въ сердцѣ-склепѣ),
И женщинъ жадныя тѣла
Цѣпляются за звенья цѣпи.

О, да! васъ, женщины, къ себѣ возвалъ я самъ
Отъ ложа душнаго, изъ келій, съ перепутій,
И отдавались мы вдвоемъ одной минутѣ,
И вмѣстѣ мчало насъ теченье по камнямъ.
Вы скованы со мной небеснымъ, высшимъ бракомъ,
Какъ съ моремъ воды впавшихъ рѣкъ,
Своимъ я васъ отмѣтилъ знакомъ,
Я отдалъ душу вамъ—на мигъ, и тѣмъ навѣкъ.
Иныя умерли, иныя измѣнили,
Но всѣ со мной, куда бы я ни шелъ.

И я влеку по днямъ, клонясь какъ волъ,
Изнемогая отъ усилій,
Могильнаго креста тяжелый пьедесталъ:
Живую груду тѣлъ, которыя ласкалъ,
Которыя меня ласкали и томили.

И думы... Сколько ихъ, въ одеждахъ золотыхъ,
Завѣтныхъ думъ, лелѣянныхъ съ любовью,
Принявшихъ плоть и оживленныхъ кровью!..
Я обреченъ вести всю безконечность ихъ.
Есть думы тайныя—и снова въ дѣтской дрожи,
Закрывъ лицо, я падаю во прахъ...
Есть думы свѣтлыя, какъ ангелъ Божій,
Затерянныя мной въ холодныхъ дняхъ.
Есть думы гордыя—мои исканья Бога—
Но оскверненныя притворствомъ и игрой,
Есть думы-женщины, глядящія такъ строго,
Есть думы-карлики съ изогнутой спиной...
Куда-бъ я ни бѣжалъ истоптанной дорогой,
Онѣ летятъ, бѣгутъ, ползутъ—за мной!

А книги... Чистые источники услады,
Въ которыхъ отраженъ родной и близкій ликъ,
— Учитель, другъ, желанный врагъ, двойникъ—
Я въ васъ обрѣлъ всѣ сладости и яды!
Вы были голубемъ въ плывущій мой ковчегъ
И принесли мнѣ вѣсть, какъ древле Ною,
Что ждетъ меня земля, подъ пальмами ночлегъ,
Что свой алтарь на камняхъ я построю...
Съ какою жадностью, какъ тѣсно я приникъ
Къ стоцвѣтнымъ стекламъ, къ окнамъ вѣщихъ книгъ,
И увидалъ сквозь нихъ просторы и сіянья,
Лучей и формъ безвѣстныхъ сочетанья,
Услышалъ странныя, родныя имена...
И годы я стоялъ, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослѣпла,

Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И всѣ мои мечты распались горстью пепла.

О, если-бъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ,
Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей,
Итти своимъ путемъ, безцѣльнымъ и широкимъ,
Безъ будущихъ и прошлыхъ дней.
Срывать цвѣты, мгновенные какъ маки,
Впивать лучи, какъ первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мракѣ,
Безъ горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

1902.

II.

HABET ILLA IN ALVO.

Ея движенья непроворны,
Она ступаетъ тяжело,
Неся сосудъ нерукотворный,
Въ который небо снизошло.
Святому таинству причастна,
И той причастностью горда,
Она по новому прекрасна,
Внѣ вожделѣній, внѣ стыда.
Въ ночь наслажденья, въ мигъ объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатья,
О чемъ не вѣдала она!
Въ изнеможеньи и въ истомѣ
Она спала безъ грезъ, безъ силъ,
Но какъ въ эѳирномъ водоемѣ
Въ ней цѣлый міръ уже почилъ.
Ты зналъ ее межъ содроганій,
И думалъ, что она твоя...
И вотъ она съ безвѣстной грани
Приноситъ тайну бытія!

Когда мужчина всталъ отъ роковой постели,
Онъ отрываетъ вдругъ себя отъ чаръ ночныхъ,
Дневныя яркости на немъ отяготѣли,
И онъ бѣжитъ въ огнѣ—лучей дневныхъ.
Какъ пахарь бросилъ онъ зиждительное сѣмя,
Онъ снова жаждетъ дня, чтобъ снова изнемочь,—

Ее-жъ изъ рукъ своихъ освобождаетъ Время,
На много мѣсяцевъ владѣетъ ею Ночь!
Ночь—Тайна—Мракъ—Невѣдомое—Чудо,
Намъ непонятное, что приняла она...
Была любовь и мигъ, иль только трепетъ блуда,—
И вновь вселенная въ душѣ воплощена!

Ребекка! Лія! мать! съ любовью или злобой
Сокрытый плодъ нося, ты служишь какъ раба,
Но трудъ отвѣтственный дала тебѣ судьба:
Ты охраняешь міръ таинственной утробой.
Въ ней сберегаешь ты прошедшіе вѣка,
Которые преемственностью живы,
Лелѣешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль—вмѣщаешь дважды ты,
Вмѣщаешь и даешь имъ новое теченье:
Ты, женщина, цѣной дѣторожденья
Удерживаешь насъ у грани темноты!
Неси, о, мать, свой плодъ! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай,
И послѣ, въ срочный часъ, припавъ на ложе,
Яви землѣ опять воскресшій май!

Свершилось. Сонъ недавній явенъ,
Мигъ вожделѣнья воплощенъ:
Съ тобой твой сынъ предъ богомъ равенъ,
Какъ ты сама—безсмертенъ онъ!
Что̀ было свято, что̀ преступно,
Что̀ соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И онъ какъ первенецъ въ раю.
Что̀ пережито—не вернется,
Беремъ мы миги, ихъ губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучомъ погасшимъ для тебя!

И снова будутъ чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми извѣданныя грезы
Невѣдомыми станутъ вновь.
И кто-то, сладкій ядъ объятья
Вдохнувъ съ дыханьемъ темноты,
(Быть можетъ, также въ часъ зачатья)
Въ его рукахъ уснетъ, какъ ты!

Иди походкой непоспѣшной.
Неси священный свой сосудъ,
Въ преддверьи каждой ночи грѣшной
Два ангела съ мечами ждутъ.
Спадутъ, какъ легкія одежды,
Мгновенья радостей ночныхъ.
Иныя, строгія надежды
Откроются за тканью ихъ.
Она покровъ завѣтный тайны,
Сокрытой въ явности вѣковъ,
Но неземной, необычайный,
Огнемъ пронизанный покровъ.
Прими его, покрой главу имъ,
И въ сумракѣ его молись,
И вѣрь подъ страстнымъ поцѣлуемъ,
Что въ небѣ глубь, и въ безднѣ высь!

1902.

III.

ИСКУШЕНІЕ.

Я иду. Спотыкаясь и падая ницъ,
Я иду.
Я не знаю, достигну-ль до тайныхъ границъ,
Или въ знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, какъ первый въ раю,
Въ говорящій и манящій садъ,
Но одно—навсегда, но одно—сознаю:
Не итти мнѣ назадъ!

Зной горитъ и губы сухи.
Дали строятъ свой миражъ,
Манятъ тѣни, манятъ духи,
Шепчутъ дьяволы: „ты—нашъ!“
Были сонмы поколѣній,
За толпой въ вѣкахъ толпа.
Ты—въ неистовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ водъ щепа.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышишь,
Отцвѣтаешь, чуть возникъ.
Что̀ ты видишь, что̀ ты слышишь,
Измѣняетъ каждый мигъ.
Не упомнишь словъ священныхъ,
Сладкихъ сновъ не сбережешь!
Нѣтъ свершеній не мгновенныхъ,
Таетъ истина, какъ ложь.

И сквозь пальцы мудрость міра
Протекаетъ, какъ вода,
И восторгъ блестящій пира
Исчезаетъ навсегда.
Совершивъ свой путь тяжелый,
Съ бою капли тайнъ собравъ,
Ты предъ смертью встанешь голый,
О, мудрецъ, какъ сынъ забавъ!
Если-жъ смерть тебѣ откроетъ
Тайны всѣ, что ты забылъ,
Такъ чего-жъ твой подвигъ стоитъ!
Такъ зачѣмъ ты шелъ и жилъ!
Все не нужно, что̀ земное,
Шепчутъ дьяволы: „ты—нашъ!“
Я иду въ бездонномъ зноѣ...
Дали строятъ свой миражъ.

„Ты мнѣ отвѣтишь ли, о, Сущій,
Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?
Быть можетъ, ждетъ меня грядущій,
И я предъ нимъ склоняюсь ницъ?

„О, сердце! въ этихъ тѣняхъ вѣка,
Гдѣ истинъ нѣтъ, иному вѣрь!
Въ себѣ люби сверхчеловѣка...
Явись, нашъ богъ и полузвѣрь!

„Я здѣсь свершаю путь безплодный,
Безсмысленный, безцѣльный путь,
Чтобъ, наконецъ, душой свободной
Ты могъ предъ Вѣчностью вздохнуть.

„И чуять проблескъ этой дрожи,
Въ себѣ угадывать твой вздохъ —
Мнѣ всѣхъ иныхъ блаженствъ дороже...
На краткій мигъ, какъ ты, я—богъ!“

Гимнъ.

Вновь закатъ одѣнетъ
Небо въ багрянецъ.
Горе, кто обмѣнитъ
На вѣнокъ—вѣнецъ.

Мракомъ міръ не связанъ,
Послѣ ночи—свѣтъ.
Кто миропомазанъ,
Доли лучшей нѣтъ.

Утреннія зори —
Блескъ небесныхъ крылъ.
Въ этомъ вѣчномъ хорѣ
Богъ васъ возвѣстилъ.

Времени не будетъ,
Ночи и зари...
Горе, кто забудетъ,
Что они—цари!

Все жарче зной. Упавъ на камнѣ,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мнѣ
Подъ этотъ гимнъ, не знаю чей.
И вотъ все явственнѣй, тѣлеснѣй
Ко мнѣ, простершемуся ницъ,

Клонятся, съ умиленной пѣсней,
Изъ волнъ воздушныхъ сонмы лицъ.
О, сколько близкихъ и желанныхъ,
И ты, забытая, и ты!
Въ чертахъ, огнями осіянныхъ,
Какъ не узнать твои черты!
И молніи горятъ сапфиромъ,
Ихъ синій отблескъ—вѣчный свѣтъ.
Мой слабый духъ предъ лучшимъ міромъ
Уже заслышалъ свой привѣтъ!

Но вдругъ подымаюсь я, вольный и дикій,
И тѣни сливаются, гаснутъ въ огнѣ.
Шатаясь, кричу я,—и хриплые крики
Лишь коршуны слышатъ въ дневной тишинѣ.

„Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Такъ, значитъ, за гранью—вторая граница,
И смерть, какъ и жизнь, только тѣнь и черта?

„Такъ, значитъ, за смертью такой же безплодный,
Такой же безцѣльный, безсмысленный путь?
И то же мечтанье о волѣ свободной?
И та-жъ невозможность во мглѣ потонуть?

„И нѣтъ намъ исхода! и нѣтъ намъ предѣла!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тѣла
Единая, та же, все та же стезя!“

Кричу я. И коршуны носятся низко,
Изъ дали таинственной манитъ миражъ.
Тамъ пальмы, тамъ влага, такъ ясно, такъ близко,
И дьяволы шепчутъ со смѣхомъ: „ты—нашъ!“

1903.

IV.

ИТАЛІЯ.

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всѣхъ роковыхъ столѣтій!
Тебя народы чтили какъ рабы,
И императоры какъ дѣти.
Ты съ трона цезарей судила властно міръ,
И большій міръ изъ Ватикана.
Былая власть твоя—низверженный кумиръ,
Но человѣчество твоимъ прошедшимъ пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлѣли сны, какихъ не будетъ дважды!
Они—къ источникамъ открытыя врата
Для всѣхъ, томящихся отъ безъисходной жажды!
На всѣ пути души ты простирала жезлъ,
Какъ знакъ владычества,—и люди были рады,
Ницъ преклоненные у величавыхъ чреслъ,
Лобзать края одеждъ, ловить слова и взгляды.

Италія! священная царица!
Гдѣ нынѣ скипетръ твой и лавровый вѣнецъ?
Разломана твоя златая колесница,
Раскрыты двери въ твой дворецъ.
Италія! несчастная блудница,
И вотъ къ чему пришла ты, наконецъ!
Въ лоскутьяхъ мантіи и въ платьѣ устарѣломъ,
Улыбкой искрививъ надменно строгій ротъ,
Ты вышла торговать еще прекраснымъ тѣломъ,
И въ ложницу твою—открытъ за деньги входъ.

Мы смѣемъ всѣ вкусить отъ ласкъ, святыхъ бывало!
Мы можемъ всѣ тебя увидѣть въ наготѣ!
Какъ женщина, ты всѣмъ доступной стала,
И стыдно намъ тебя узнать въ мечтѣ!

Но еще ты прекрасна, Италія!
Подъ заемной краской румянъ,
И съ наглостью робкой во взорѣ!
Прекраснѣе всѣхъ неуниженныхъ странъ,
Къ которымъ покорно ласкается плѣнное море.
Въ лагунахъ еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеціи —
Единственный городъ мечты,
И гордые замки вздымаются
Въ суровой и нѣжной Флоренціи,
Гдѣ созданъ былъ сонъ красоты.
И Римъ, чародатель единственный,
Ужасный въ величьи своемъ,
Лежитъ не живой, но таинственный,
Волшебнымъ окованный сномъ.
Нетлѣнныя рощи лимонныя
Подъ немыслимымъ небомъ цвѣтутъ.
Горы,—въ бѣлыхъ цвѣтахъ новобрачныя!
Воды, собой опьяненныя,
Озаряя гроты прозрачные,
Говорятъ и живутъ!
Ты прекрасна, Италія,
Отъ Альпъ крѣпковыйныхъ до ясной Капреи
И далѣе,
До пустынь когда-то богатой Сициліи,
Гдѣ сирокко, уставъ и слабѣя,
Губитъ высокія лиліи,
Цвѣты святого Антонія, —
Ты прекрасна, Италія,
Какъ знакомая сердцу гармонія!

Я пришелъ къ тебѣ усталый,
Путь недавній потерявъ,
Безпокойный, запоздалый
Напрямикъ по влагѣ травъ.
И случайные скитальцы
Миръ нашли въ твоемъ дворцѣ...
О, какъ нѣжно эти пальцы
На моемъ легли лицѣ!
Какъ прижавшееся тѣло
Ароматно и свѣжо!
Пусть притворство, что за дѣло!
Пусть обманъ, мнѣ хорошо!
Въ этой нѣжности мгновенной,
Можетъ тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

Флоренція, 1902.

V.

ПАРИЖЪ.

И я къ тебѣ пришелъ, о городъ многоликій,
Къ просторамъ площадей, въ открытые дворцы;
Я полюбилъ твой шумъ, всѣ уличные крики:
Напѣвъ газетчиковъ, бичи и бубенцы;
Я полюбилъ твой міръ, какъ сонъ, многообразный
И вѣчно дышащій, мучительно живой...
Твоя стихія—жизнь, лишь въ ней твои соблазны,
Ты на меня дохнулъ—и я навѣки твой.

Порой казался мнѣ ты безпощадно старымъ,
Но чаще ликовалъ, какъ рѣзвое дитя,
Въ вечерній, тихій часъ по меркнущимъ бульварамъ
Межъ оконъ блещущихъ людской потокъ катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштановъ царственныхъ; бросали свой призывъ
Огни ночныхъ рекламъ: летѣли экипажи,
И росъ, и бурно росъ глухой, людской приливъ.
И эти тысячи и тысячи прохожихъ
Я сознавалъ волной, текущей въ новый вѣкъ.
И жадно я слѣдилъ теченье вольныхъ рѣкъ,
Самъ—капелька на днѣ въ ихъ каменистыхъ ложахъ,
А ты стоялъ во мглѣ—могучимъ, какъ судьба,
Колоссомъ, давящимъ безчисленныя рати...
Но не скудѣлъ пэанъ моихъ безумныхъ братій,
И Города съ Людьми не падала борьба...

Когда же, утомленъ видѣньями и свѣтомъ,
Искалъ пріюта я—меня манилъ соборъ,
Давно прославленный торжественнымъ поэтомъ...
Какъ сладко здѣсь мечталъ мой воспаленный взоръ.
Какъ были сладки мнѣ узорчатыя стекла,
Розетки въ вышинѣ—сплетенья звѣздъ и лицъ.
За ними суета невольно гасла, блекла,
Предъ вѣчностью душа распростиралась ницъ...
Забывъ напѣвъ псалмовъ и тихій стонъ органа,
Я видѣлъ только свѣтъ, святой калейдоскопъ,
Лишь краски и цвѣта сіяли изъ тумана...
Была иль будетъ жизнь? и колыбель? и гробъ?
И начиналъ миражъ вращаться вкругъ, смѣняя
Всѣ краски радуги, всѣ отблески огней.
И краски были міръ. Въ глубокихъ безднахъ рая
Не эти-ль образы, вѣка, не утомляя,
Ласкаютъ взоръ ликующихъ тѣней?

А тамъ, за Сеной, былъ еще пріютъ священный.
Кругообразный храмъ и въ безднѣ саркофагъ,
Гдѣ, отдѣленъ отъ всѣхъ, спитъ императоръ плѣнный,—
Суровый нашъ пророкъ и роковой нашъ врагъ!
Сквозь окна льется свѣтъ, то золотой, то синій,
Не яркій, слабый свѣтъ, таинственный какъ мгла,
Прозрачнымъ знаменемъ дрожитъ онъ надъ святыней,
Сливаясь съ вѣяньемъ орлинаго крыла!
Чѣмъ дольше здѣсь стоишь, тѣмъ все кругомъ безгласнѣй,
Но въ жуткой тишинѣ растетъ беззвучный громъ,
И оживаетъ все, что̀ было дѣтской басней,
И съ невозможностью стоишь къ лицу лицомъ!
Онъ вѣкомъ властвовалъ, какъ парусомъ матросы,
Онъ милліонамъ душъ указывалъ ихъ смерть;
И сжали вдругъ его стѣной тюрьмы утесы,
Какъ кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснулъ онъ во дворцѣ—и взоръ открылъ въ темницѣ,
И умеръ, не понявъ, прошелъ ли страшный сонъ...
Иль онъ не миновалъ? ты грезишь, что въ гробницѣ?

И вдругъ войдешь сюда—съ жезломъ и въ багряницѣ,—
И предъ тобой падемъ—мы ницъ, Наполеонъ!

И эти крайности!—все буйство жизни нашей,
Средневѣковый міръ, величье страшныхъ дней,—
Парижъ, ты съединилъ въ своей священной чашѣ,
Готовя страшный ядъ изъ пѣсенъ и идей!
Ты человѣчества—Мальстремъ. Напрасно люди
Мечтаютъ отъ твоихъ вліяній ускользнуть!
Ты долженъ все смѣшать въ чудовищномъ сосудѣ.
Блеститъ его рѣзьба, незримо таетъ муть.
Ты властно всѣхъ берешь въ зубчатыя колеса
И мелешь души всѣхъ, и вѣешь легкій прахъ.
А слезы вѣчности кропятъ его, какъ росы...
И ты стоишь, Парижъ, какъ мельница, въ вѣкахъ!

Въ тебѣ возможности, въ тебѣ есть духъ движенья,
Ты вольно окрыленъ, и вольныхъ крыльевъ тѣнь
Ложится и теперь на наши поколѣнья,
И стать великимъ днемъ здѣсь можетъ каждый день.
Плотины баррикадъ вонзалъ ты смѣло въ стѣны
И замыкалъ потокъ мятущихся временъ,
И раздроблялъ его въ красивыхъ брызгахъ пѣны.
Онъ дальше убѣгалъ, разбитъ, преображенъ.
Вторгались варвары въ твой сжатый кругъ, крушили
Завѣтные углы твоихъ святыхъ дворцовъ,
Но былъ не властенъ мечъ надъ тайной вѣчной были:
Какъ фениксъ, ты взлеталъ изъ дыма, живъ и новъ.
Парижъ не весь въ домахъ, и въ томъ иль въ этомъ ликѣ:
Онъ часть исторіи, идея, сказка, бредъ.
Свое безсмертіе ты понялъ, о великій,
И бреду твоему исчезновенья—нѣтъ!

Парижъ, 1903.

VI.

МІРЪ.

Я помню этотъ міръ, утраченный мной съ дѣтства.
Какъ сонъ непонятый и прерванный, какъ бредъ...
Я берегу его—единое наслѣдство
Мной пережитыхъ и забытыхъ лѣтъ.
Я помню формы, звуки, запахъ... О! и запахъ!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы подъ-поломъ, въ грудяхъ земли,
Со сходами, припрятанными въ трапахъ,
Картинки въ рамочкахъ на выцвѣтшей стѣнѣ,
Старинныя скамьи и прочныя конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свѣтъ не зоркій,
Лежащій безъ тѣней въ лѣнивой тишинѣ,
И запахъ надо всѣмъ,—нежалящіе когти
Вонзающій въ мечты, въ желанья, въ рѣчь, во все!
Быть можетъ, выросшій въ веревкахъ или дегтѣ,
Иль вползшій, какъ змѣя, въ безлюдное жилье,
Но царствующій здѣсь надъ всѣмъ житейскимъ складомъ
Проникшій все насквозь, держащій все въ себѣ!
О, позабытый міръ! и я дышалъ тѣмъ ядомъ,
И я причастенъ былъ твоей судьбѣ!

Я помню: за окномъ, за дверью съ хриплымъ блокомъ,
Былъ плоскій и глухой, всегда нечистый дворъ.
Стѣной и вывѣской кончался кругозоръ
(Порой закатъ блестѣлъ на куполѣ далекомъ).

И этотъ старый дворъ всегда былъ пустъ и тихъ,
Какъ заводь сорная, вся въ камышахъ и тинѣ...
Мелькнетъ монахиня... Купецъ въ поддевкѣ синей...
Поспѣшно пробѣгутъ два юркихъ половыхъ...
И снова душный сонъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій.
Когда въѣзжалъ сюда телѣгъ тяжелый рядъ,
Съ самоувѣреннымъ и безпощаднымъ скрипомъ,—
И дюжимъ лошадямъ, и безобразнымъ кипамъ,
И громкимъ окрикамъ самъ дворъ казался радъ.
Шумѣли молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачомъ...
Но проходилъ тотъ часъ, вновь умирали звуки,
Дворъ застывалъ во снѣ, привычномъ и нѣмомъ...
А подъ-вечеръ опять мелькали половые,
Лѣниво унося порожніе судки...
Но поздно... Главы гаснутъ золотыя.
Углы—пріютъ тѣней—темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправнѣй,
Мигаютъ лампы, пахнетъ керосинъ...
И скоро вынесутъ на волю, къ окнамъ, ставни,
И пропоетъ замокъ, и домъ заснетъ—одинъ.

Я помню этотъ міръ. И самъ я въ этомъ мірѣ
Когда-то былъ какъ свой, сливался съ нимъ въ одно.
Я мальчикомъ глядѣлъ въ то пыльное окно,
У сумрачныхъ вѣсовъ игралъ въ большія гири,
И лазилъ по мѣшкамъ въ сараяхъ, гдѣ темно.
Мечтанья дѣтскія въ тѣ дни уже свѣтлѣли:
Мнѣ снились:—рощи пальмъ, безвѣстный океанъ,
И тайны полюсовъ, и бездны подземелій,
И дерзкіе пути междупланетныхъ странъ.
Но дряхлый ветхій міръ на всѣ мои химеры
Улыбкой отвѣчалъ, какъ ласковый старикъ.
И тихо надо мной—ребенкомъ—никъ,
Громадный, неподвижный, сѣрый.
И что-то было въ немъ роднымъ и близкимъ мнѣ.
Онъ глухо мнѣ шепталъ и понималъ его я...

И смѣшивалось все, какъ въ смутномъ снѣ:
Мечта о неземномъ и сладкій миръ покоя...
. . . . . .

Недавно я прошелъ знакомымъ переулкомъ
И не узналъ завѣтныхъ мѣстъ совсѣмъ.
Тотъ, мнѣ знакомый міръ, былъ тусклъ и нѣмъ, —
Теперь сверкало все, гремѣло въ гулѣ гулкомъ!
Воздвиглись зданія изъ стали и стекла,
Дворцы огромные, гдѣ вольно бродятъ взоры...
Разрыты навсегда таинственныя норы,
Безстрастный свѣтъ вошелъ туда, гдѣ жалась мгла.
И лица новыя, и говоръ чуждъ... Все ново!
Какъ сказка смѣлая—воспоминанья лѣтъ!
Нѣтъ даже и во мнѣ тогдашняго былого,
Напрасно я ищу въ душѣ желанный слѣдъ...
Въ душѣ все новое, какъ въ городѣ торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страхъ.
Я мальчикомъ мечталъ о будущихъ годахъ:
И вотъ они пришли... Ну, что же? Я таковъ ли,
Какимъ желалъ я быть? Добылъ ли я вѣнецъ?
Иль эти зданія, всѣ изъ стекла и стали,
Возставшія въ душѣ, какъ призрачный дворецъ,
Всѣ утоленные восторги и печали,
Все это новое—напрасно взяло верхъ
Надъ міромъ тѣмъ, что мнѣ—столѣтья завѣщали,
Который былъ моимъ, который я отвергъ!

Москва, 1903.

VII.

IN HAC LACRIMARUM VALLE.

Весь долгій путь свершивъ, по высямъ и низинамъ,
Твои зубцы я вижу, наконецъ,
О, горный кряжъ веселости и смѣха!
Въ разсвѣтный часъ ты выросъ исполиномъ,
Какъ до небесъ воздвигнутый дворецъ,
И гулко на привѣтъ твое мнѣ вторитъ эхо.
За мной паденій стыдъ и боль палящихъ ранъ,
Тѣснины скалъ и быстрины потоковъ,
За мной покинутый въ равнинѣ бранный станъ,
За мной пустыня—міръ безумцевъ и пророковъ...
Кругомъ меня—нѣмые тополя,
Какъ женщины, завернутыя строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся бѣлая, мглу на-двое дѣля.
И лиліи, закрывъ въ сыромъ туманѣ
Кадильницы ночныхъ благоуханій,
Сгибаютъ выгибы упругаго стебля.
Чу! ближній ключъ запѣлъ неравномѣрно...
Долина слезъ! чье имя какъ печаль!
Какъ все въ тебѣ неясно и невѣрно.
Но для меня уже бѣлѣетъ даль,
Я вышелъ изъ страны позора и успѣха,
Снимаю я съ своей главы вѣнцы.
Уже блестятъ въ огнѣ, уже блестятъ зубцы,
Твои—о, кряжъ торжественнаго смѣха!

Я взойду при первомъ днѣ
Хохотать къ зубцамъ, на выси,

И на смѣхъ завторятъ мнѣ
Неумолчнымъ смѣхомъ рыси.

Стану рыскать наугадъ
Вверхъ и внизъ я лугомъ, лѣсомъ:
Встрѣчный другъ и вѣчный братъ
Съ нимфой, съ звѣремъ, съ богомъ, съ бѣсомъ.

Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжіе силены;
Мы натѣшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны.

Всѣмъ настанетъ череда
Выпить острый сокъ услады.
Лица скроютъ отъ стыда
Въ чащахъ бѣлыя дріады.

Зазовутъ меня въ свой гротъ
Скальныхъ нѣдръ владыки — гномы.
Буду пить я дикій медъ,
Гость желанный и знакомый.

Я спою имъ про Грааль,
То-то будетъ имъ веселье!
Подаритъ мнѣ Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канетъ въ сумракъ лѣтній зной,
Лунный глазъ проглянетъ слѣва, —
Обручальный перстень свой
Мнѣ подастъ лѣсная дѣва.

Я его, склонясь, приму,
Уроню свой плащъ багровый...
Ночь длиннѣй протянетъ тьму,
Отлетятъ ночныя совы.

Я къ вамъ вернусь, о, люди, — вернусь, преображенъ,
Вся жизнь былая будетъ какъ нѣкій душный сонъ.
Я къ вамъ вернусь воскресшимъ, проснувшимся отъ сна...
Волна волну стираетъ, и все-жъ она — волна.
И я иной, чѣмъ прежде, но все же это — я,
И пѣснь моя другая, но это — пѣснь моя.
Никто ее не можетъ сложить, какъ я могу,
А тайну прошлыхъ пѣсенъ я въ сердцѣ берегу.
И всѣ мои напѣвы еще подвластны мнѣ:
И тѣ, что пѣлъ я въ дѣтствѣ, и тѣ, что пѣлъ во снѣ.
Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ,
А вамъ — молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ!
И что бы ни задумалъ я спѣть — запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ, что я — поэтъ!
Я въ жизнь пришелъ поэтомъ, я избранъ былъ судьбой,
И даже противъ воли останусь самъ собой.
Я понялъ неизбѣжность случайныхъ думъ своихъ,
И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
Въ моемъ самохваленьи служенье Богу есть, —
Не знаю самъ, какая, и все-жъ я міру вѣсть!

1902.

ЭЛЕГИ.

I.

ЖЕНЩИНАМЪ.

Вотъ онѣ, скорбныя, гордыя тѣни
Женщинъ, обманутыхъ мной.
Прямо въ лицо имъ смотрю безъ сомнѣній,
Прямо въ лицо этихъ блѣдныхъ видѣній,
Созданныхъ чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущихъ тѣлъ!
Васъ обрѣталъ я, и вами владѣлъ!
Всѣ ваши тайны — то нѣжный, то грубый,
Властный, покорный — узнать я умѣлъ.

Да, я васъ бросилъ, какъ остовъ добычи,
Бросилъ на знойномъ пути.
Что-жъ! въ этомъ мірѣ вещей и обличій
Все мнѣ сказалось въ единственномъ кличѣ:
„Ты долженъ итти!“

Васъ я любилъ такъ, какъ любятъ, и каждой
Душу свою отдавалъ до конца,
Но — мнѣ не страшно нѣмого лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горѣли сердца.

Вы, опаленныя яростной страстью,
Въ ужасѣ падали ницъ.
Я, прикоснувшись къ послѣднему счастью,
Не опуская рѣсницъ,
Шелъ, увлекаемъ таинственной властью,
Къ ужасу новыхъ границъ.

Васъ я любилъ такъ, какъ любятъ, и знаю —
Съ каждой я былъ бы въ раю!
Но не хочу я довѣриться раю.
Душу мою изъ блаженствъ вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! отъ счастья до муки,
Въ ужасы — въ бездну — во тьму!
Тщетно ко мнѣ простираете руки
Вы, присужденныя къ вѣчной разлукѣ:
Жить мнѣ и быть — одному.

1902.

II.

СВИДАНІЕ.

Былъ яркій лѣтній день, но сдвинутыя шторы
Отрѣзывали насъ отъ четкаго луча;
Во мглѣ искусственной сіяли смутно взоры
И грезились черты прически и плеча.

Вся жизнь была въ рукахъ; я слышалъ всѣ біенья,
Всю груди теплоту, всѣ линіи бедра;
Ты прилегла ко мнѣ, уже въ изнеможеньи,
И ты была во мглѣ — какъ нѣжная сестра.

Когда же отдались мы жгучимъ тайнамъ страсти,
Я въ глубинѣ опять узналъ твои глаза.
И ложе стало челнъ. У зыбкихъ волнъ во власти,
Онъ безъ руля летитъ, свиститъ вокругъ гроза.

И мнѣ представилось: сбылась судьба земного.
Нѣтъ человѣчества! Ладью влечетъ хаосъ!
И я, встрѣчая смерть, искалъ поспѣшно слова,
Чтобъ трепетъ выразить послѣднихъ въ мірѣ грезъ.

Но вмѣсто словъ былъ бредъ, и, неотступно жаля,
Впивался и томилъ изъ глубины твой взглядъ.
Твой голосъ слышалъ я: „Люблю! твоя! мой Валя!“
Ладья летитъ быстрѣй... и рухнулъ водопадъ.

И мы на берегу очнулись въ брызгахъ пѣны.
Неспѣшно, какъ изъ формъ иного бытія,
Являлся внѣшній шумъ и выступали стѣны,
Сливалось медленно съ дѣйствительностью „я".

Когда-жъ застѣнчиво, лицо въ густой вуали,
На улицу за мной ты вышла изъ воротъ,
Еще былъ яркій день, пролетки дребезжали,
И люди мимо шли — впередъ, впередъ...

1901.

III.

ВЪ НОЧНОМЪ БЕЗЛЮДІИ.

Въ ночномъ безлюдіи нѣмыхъ домовъ
Молюсь о чудѣ я недавнихъ сновъ.

Мечты стоокія со всѣхъ сторонъ...
Дитя далекое, храни свой сонъ!

Альковъ задвинутый, дрожанье тьмы,
Ты запрокинута, — и двое мы.

И къ тѣлу тѣло намъ прижать не стыдъ.
Грѣхомъ содѣланнымъ душа горитъ.

Все уничтожено — одна любовь.
Нѣтъ, не возможно то, не будетъ вновь.

Изъ тьмы возстану ли! ты далека!
Мгновенья канули. Прошли вѣка.

Я гость единственный на всей землѣ.
Спитъ міръ таинственно въ предсмертной мглѣ.

Зачѣмъ въ безлюдіи послѣднихъ дней
Молюсь о чудѣ я — о ней! о ней!

1901.

IV.

Красное небо за окнами тьмится,
Отблескъ багровый даетъ паровозъ.
Тихой, вечерней усталостью тьмится
Отблескъ недавнихъ восторговъ и слезъ.

Полно, давно ли, дрожа отъ истомы,
Жадно сжималъ я трепещущій трупъ!
Помню я вздохи и стоны истомы,
Кольца волосъ и уступчивость губъ.

Солнце давно отсверкало и сѣло,
Къ намъ проникая сквозь завѣсъ окна...
Словно твое истомленное тѣло
Въ окна вагона видна мнѣ луна...

1901.

V.

ВЪ ДАМАСКЪ.

Губы мои приближаются
Къ твоимъ губамъ,
Таинства снова свершаются,
И міръ какъ храмъ.

Мы, какъ священнослужители,
Творимъ обрядъ.
Строго въ великой обители
Слова звучатъ.

Ангелы, ницъ преклоненные,
Поютъ тропарь.
Звѣзды — лампады зажженныя,
И ночь — алтарь.

Что насъ влечетъ съ неизбѣжностью,
Какъ сталь магнитъ?
Дышимъ мы страстью и нѣжностью,
Но взоръ закрытъ.

Водоворотомъ мы схвачены
Послѣднихъ ласкъ.
Вотъ онъ, отъ вѣка назначенный,
Нашъ путь въ Дамаскъ!

1903.

VI.

ГІАЦИНТЪ.

С. А. Полякову.

Словно кровь у свѣжей раны,
Красный камень гіацинтъ
Увлекаетъ грезу въ страны,
Гдѣ царитъ широкій Индъ;

Гдѣ въ засохшихъ джунгляхъ внемлютъ
Тигры поступи людей,
И на мертвыхъ вѣткахъ дремлютъ
Пасти жадныхъ орхидей;

Гдѣ, окованная взглядомъ,
Птица стынетъ предъ змѣей,
И, полны губящимъ ядомъ,
Корни пухнутъ подъ землей.

Сладко грезить объ отчизнѣ
Всѣхъ таинственныхъ отравъ!
Тамъ найду я радость жизни —
Воплотившій смерть составъ!

Въ лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волью,
И навѣкъ въ моемъ кинжалѣ
Месть и волю затаю.

И когда любовь обманетъ,
И ласкавшая меня
Расточать другому станетъ
Рѣчи нѣгъ на склонѣ дня,—

Я приду къ ней съ вѣрнымъ ядомъ,
Я ее межъ ласкъ и чаръ,
Словно змѣй, затѣшу взглядомъ,
Разочту, какъ тигръ, ударъ.

И, глядя на кровь у раны,
(Словно камень гіацинтъ!)
Повлекусь я грезой въ страны,
Гдѣ царитъ широкій Индъ.

1901.

VII.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ.

Мнѣ снилось я въ городѣ дальнемъ,
Гдѣ ты истомилась одна.
Твой мальчикъ прохожаго встрѣтилъ,
Сказалъ мнѣ, что мама больна.

Къ тебѣ я вошелъ, какъ безумный,
Шепнула ты мнѣ: наконецъ!
И слышалось четко біенье
Двухъ слишкомъ счастливыхъ сердецъ.

Я сѣлъ на скамью у кровати
И сердце мнѣ сжала тоска:
Блѣдны исхудалыя щеки,
Блѣдна и прозрачна рука.

Твой мужъ и сестра и сидѣлка,
Всѣ вдругъ отошли къ сторонѣ,
И я цѣловалъ твои руки,
И ты улыбалася мнѣ.

И ты мнѣ сказала: „Мой милый,
Мы точно голубки въ грозѣ,
Къ тебѣ я прижался рыдая,
И плакали, плакали всѣ.

Въ слезахъ я проснулся безумный,
Кругомъ темнота, тишина,
И городъ далекъ, гдѣ томишься
Ты въ тяжкомъ недугѣ одна.

1901.

VIII.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Я сквозь незапертыя двери
Вошелъ въ давно знакомый домъ,
Какъ въ замокъ сказочныхъ повѣрій,
Постигнутый волшебнымъ сномъ.

Сквозь спущенныя занавѣски
Чуть проникали тѣни дня,
И люстры тонкія подвѣски
Сверкали блѣдно, не звеня.

И такъ шаги казались странны,
Почти заглушены въ коврахъ.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стѣнахъ.

Я встрѣтилъ взглядъ безъ выраженья
Остановившихся часовъ.
Полузасохшія растенья
Стояли стражей мертвецовъ.

Я заглянулъ... Она смотрѣла,
Какъ тихо догоралъ каминъ.
Зола какихъ-то писемъ тлѣла,
Но въ воздухѣ дышалъ жасминъ.

На платье бѣлое—все рѣже
Бросали угли отсвѣтъ свой.
Она вдыхала запахъ свѣжій,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, какъ вошелъ, безъ словъ,
Принявъ въ гостиной взглядъ прощальный
Остановившихся часовъ.

1903.

IX.

КЪ БЛИЗКОЙ.

—

Предстанетъ мигъ, и духъ мой канетъ
Въ неизмѣримость безъ временъ,
И что-то новое настанетъ,
И будетъ прахъ земли какъ сонъ.

Настанетъ міръ иныхъ скитаній,
Иныхъ паденій и высотъ,
И, проходя за гранью грани,
Мой духъ былое отряхнетъ,

Воспоминанья всѣ утратитъ,
Въ огнѣ небесъ перегоритъ
И за познанье тайнъ заплатитъ
Забвеньемъ счастья и обидъ.

И вотъ, какъ облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдругъ завижу ликъ знакомый,
И трепетъ обожжетъ меня.

Въ моей душѣ преображенной,
Отъ всѣхъ условій бытія,
Какъ мысль отъ тѣни, отрѣшенной,
Возстанетъ вся любовь моя,

Весь кругъ безсилія и счастья,
Всѣ дни, что вѣчностью прошли,
Весь вѣщій ужасъ сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И, словно вновь подъ сводомъ звѣзднымъ,
Съ своей бездонной высоты,
Твое я имя кину къ безднамъ,
И мнѣ на зовъ отвѣтишь—ты!

1903.

X.

ПЫТКА.

Эта боль не разъ мной испытана,
На крестѣ я былъ распятъ не разъ,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорахъ свѣтъ солнца погасъ.

Члены пыткой злой обезсилены,
Я во прахѣ кровавомъ—какъ трупъ.
Выжидаютъ мгновенія филины.
Опустившись на ближній уступъ.

Но, чѣмъ мука полнѣй и суровѣе,
Тѣмъ восторженнѣй пѣсни хочу,
И кричу, и пою славословія,
Вѣчный гимнъ моему палачу.

О, приди, безъ улыбки, безъ жалости,
Снова къ древу меня пригвождать,
Чтобъ я могъ въ ненасытной усталости
Снова руки твои цѣловать.

Чтобъ, въ борьбѣ съ сладострастной безмѣрностью
Наростающихъ яростныхъ мукъ,
Я утѣшенъ былъ дѣвственной вѣрностью
Этихъ строго безжалостныхъ рукъ.

1902.

XI.

ЭПИЗОДЪ.

1.

Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?
Твои такъ нѣжны глазки,
И поступь—какъ у фей!

Я—принцъ, а ты—царевна,
Отецъ твой—злой король...
Но не гляди такъ гнѣвно,
Побыть съ тобой позволь.

Я въ шапкѣ-невидимкѣ,
Для всѣхъ—ты здѣсь одна!
И вотъ въ вечерней дымкѣ
Померкла даль окна.

Прислужницы уводятъ
Тебя подъ пологъ твой...
Ночныя тѣни бродятъ,
И я во мглѣ съ тобой!

Уста твои безмолвны,
Смеженъ покорный взоръ.

Бросаю въ воздухъ—въ волны
Нашъ самолетъ-коверъ.

Влекутъ насъ въ царство ласки
Семь бѣлыхъ лебедей...
Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?

2.

Зачѣмъ твое имя Марія,
Любимое имя мое?
Любовь огневая стихія,
Но ты увлекаешь въ нее.

Зачѣмъ съ утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, какъ посланницу Божью,
Въ горящей мечтѣ узнаю?

Ты шепчешь лицо уклоняя,
„Зачѣмъ я слаба?—ты сильнѣй"
И вьется дорога ночная
По царству тѣней и огней.

3.

Когда твой поѣздъ, съ ровнымъ шумомъ,
Мелькнулъ и сталъ вонзаться въ даль,
А я стоялъ, довѣрясь думамъ,
Меня такъ нѣжила печаль.

Тамъ на платформѣ опустѣлой
Въ іюльскомъ пламенномъ огнѣ,
Все то, что съ дѣтствомъ охладѣло,
Я находилъ живымъ во мнѣ.

И послѣ всѣхъ моихъ паденій
Мнѣ такъ легко давались вновь
И дѣтскій трепетъ разлученій,
И дѣтски нѣжная любовь.

1901.

XII.

ТАИНСТВА НОЧЕЙ.

Хранятся въ памяти, какъ въ темной книгѣ,
Свершившіяся таинства ночей,
Тѣ, жизни чуждые, святые миги,
Когда я былъ и отданъ, и ничей.

Я помню запахъ тьмы и запахъ тѣла,
Дрожащихъ членовъ выгибы и зной,
Міръ, дышащій желаньемъ до предѣла,
Безформенный, безъ-образный, иной.

Исторгнутыя мукой сладострастья,
Безумны были рѣчи и мечты.
Казалось мнѣ, что властенъ ихъ заклясть я
Заклятіемъ предвѣчной темноты.

Но эта мгла и криковъ и видѣній
Въ другой душѣ, какъ и въ моей, жива.
О вы, участницы ночныхъ радѣній,
Вы слышали запретныя слова!

Я былъ не одинокъ во храмѣ страсти,
Далъ подсмотрѣть свой потаенный сонъ,
И этотъ храмъ позоромъ соучастій
Въ моей душѣ навѣки осквернѣнъ.

1902.

XIII.

ОДИНОЧЕСТВО.

Проходятъ дни, проходятъ сроки,
Свободы тщетно жаждемъ мы.
Мы безпощадно одиноки
На днѣ своей души-тюрьмы!

Присуждены мы къ вѣчной кельѣ,
И въ наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Такъ дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходитъ рядомъ
За днями день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ,—
Вся сущность человѣка лжетъ!

Нѣтъ силъ сказать, нѣтъ силъ услышать,
Невластно ухо, мертвъ языкъ.
Лишь время знаетъ, чѣмъ утишить
Безумно вопіющій крикъ.

Срывай послѣднія одежды
И грудью всей на грудь прильни,—
Порывъ безсиленъ! нѣтъ надежды!
И въ самой страсти мы одни!

Нѣтъ единенья, нѣтъ сліянья—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушіе раба.

Напрасно духъ о сводъ желѣзный
Стучится крыльями, скользя.
Онъ вѣчно здѣсь, надъ той же бездной:
Упасть въ сосѣднюю—нельзя!

И путникъ, по срединѣ луга,
Кругомъ бросаетъ тщетный взоръ:
Мы вѣчно, вѣчно въ центрѣ круга,
И вѣчно замкнутъ кругозоръ!

1903.

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ.

I.

ОТВЕРЖЕНІЕ.

Мой рокъ, благодарю, о вѣрный, мудрый змій!
Ядъ отверженія—напитокъ вѣнценосный!
Ты запретилъ мнѣ міръ извѣданный и косный,
Слова и числа давъ—просторы двухъ стихій!

Мнѣ чужды съ раннихъ дней—блистающія весны
И рѣчи о „любви“, завѣтный хламъ витій;
Люблю я кактусы, пасть орхидей, да сосны,
А изъ людей лишь тѣхъ, кто презрѣлъ „не убій“.

Вотъ почему мнѣ такъ мучительно знакома
Съ мишурной кисеей продажная кровать.
Я въ залѣ межъ блудницъ, съ ватагой пьяницъ дома.

Одни пришли сюда грѣшить и убивать,
Другія, перейдя за глубину паденья,
Внѣ человѣчества, какъ странныя растенья.

1901.

II.

ВТИРУША.

Ты вновь пришла, вновь посмотрѣла въ душу,
Смѣешься надъ безсильнымъ крикнуть: „прочь!“
Тотъ вѣчно рабъ, кто принялъ разъ втирушу...
Покорствуй духъ, когда нельзя помочь.

Я—трупъ пловца, заброшенный на сушу,
Ты—зыбкихъ волнъ неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
Въ твоихъ рукахъ я буду мертвъ всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудіемъ твоихъ ночныхъ утѣхъ.
И будетъ вкругъ меня звенѣть твой смѣхъ.

Исчезнешь ты подъ первый щебетъ птичій,
Но я останусь нѣмъ и недвижимъ,
И странно чуждый женщинамъ земнымъ.

1902.

III.

СОНЕТЪ.

О ловкій драматургъ, судьба, кричу я „браво“
Той сценѣ выигрышной, гдѣ на смерть самъ сраженъ.
Какъ все подстроено правдиво и лукаво.
Конецъ негаданный, а неизбѣженъ онъ.

Сознайтесь, роль свою и я провелъ со славой,
Не закричатъ ли „бисъ“ и мнѣ со всѣхъ сторонъ,
Но я закрывъ глаза лежу во мглѣ кровавой,
Я не отвѣчу имъ, я на смерть пораженъ.

Люблю я красоту нежданныхъ пораженій
Свое паденіе я славлю и пою,
Не все ли намъ равно, ты или я на сценѣ.

„Вся жизнь игра“. Я мудръ и это признаю,
Одно желаніе во мнѣ, въ пыли простертомъ,
Узнать, какъ пятый актъ развяжется въ четвертомъ.

1901.

IV.

ВЪ МОЕЙ ДУШѢ.

Въ моей душѣ сожженной, какъ въ пустынѣ,
Самумы дикіе крутятся, и песокъ,
Столбами вставъ, скрываетъ куполъ синій.

Сознаніе—разломанный челнокъ
Въ качаньи волнъ, въ просторѣ океана;
Я палъ на дно, а берегъ мой далекъ!

Мои мечты невѣрны, какъ тумана
Качаемыя формы надъ рѣкой,
Когда все поле луннымъ свѣтомъ пьяно.

Мои слова грохочутъ, какъ прибой,
Когда взлетѣвъ роняетъ онъ каменья,
А воды набѣгаютъ въ перебой.

Въ моихъ стихахъ приманчивость движенья.

1901.

V.

ЖЕНЩИНА.

Я видѣлъ женщину. Кривясь отъ мукъ,
Она безстыдно открывала тѣло,
И каждый стонъ ея былъ дикій звукъ.

Ея лицо отъ боли посѣрѣло,
Шла кровь изъ сдавленныхъ зубами губъ,
Съ упорной яростью она глядѣла,

И смыслъ рѣчей ея былъ странно грубъ.
Когда порой ея слабѣли схватки,
Она молчала, тягостно, какъ трупъ.

И послѣ вновь металась въ лихорадкѣ,
И, мучась, вся вытягивалась вновь,
И, видимо, ей всѣ казались гадки.

Въ ней все угасло—разумъ и любовь,
Хотѣлось одного: уйти отъ боли...
Пьянящимъ запахомъ царила кровь.

О, дѣвушки! О, мотыльки на волѣ!
Васъ на балу звенящій вальсъ влечетъ,
Вы въ нашей жизни какъ цвѣты магнолій!

Но каждая узнаетъ свой чередъ,
И, корчась, будетъ припадать на ложе,
Глаза сжимая, искривляя ротъ...

Всѣ станете звѣрями—тоже! тоже!

1901.

VI.

ЛѢСНАЯ ДѢВА.

Л. Н. Вилькиной.

На перекресткѣ, гдѣ сплелись дороги,
Я встрѣтилъ женщину: въ сверканьи глазъ
Ея—былъ смѣхъ, но губы были строги.

Горящій, яркій вечеръ быстро гасъ,
Лазурь увлаживалась тихимъ свѣтомъ,
Неслышно близился завѣтный часъ.

Мнѣ сдѣлавъ знакъ съ насмѣшкой иль привѣтомъ,
Безвѣстная сказала мнѣ: „ты мой!“
Но взоръ ея такъ ласковъ былъ при этомъ,

Что я за ней пошелъ тропой лѣсной,
Покорный странному ея вліянью.
На вѣтви гуще падалъ мракъ ночной...

Все было смутно шаткому сознанью,
Стволы и шелестъ, тѣни и она,
Вся бѣлая, подобная сіянью.

Манила мгла въ себя, какъ глубина;
Казалось мнѣ, я падалъ съ каждымъ шагомъ,
И, забываясь, жадно жаждалъ дна.

Тропа свивалась долго надъ оврагомъ,
Гдѣ слышался то робкій смѣхъ, то вздохъ,
Потомъ скользнула внизъ, и вдругъ зигзагомъ,

Русломъ ручья, который пересохъ,
Насъ вывела на свѣтъ, къ полянѣ малой,
Гдѣ черной зеленью стелился мохъ.

И женщина, смѣясь, недвижно стала,
Среди высокихъ илистыхъ камней,
И, молча, подойти мнѣ указала.

Приблизился я, какъ лунатикъ, къ ней,
И руки протянулъ, и обнялъ тѣло,
Во храмѣ ночи, во дворцѣ тѣней.

Она въ глаза мнѣ мигъ одинъ глядѣла
И,—прошептавъ холодныя слова:
„Отдай мнѣ душу“,—скрылась тѣнью бѣлой.

Вдругъ стала ночь таинственно мертва.
Я былъ одинъ на блещущей полянѣ,
Гдѣ мохъ чернѣлъ и зыблелась трава...

И до утра я проблуждалъ въ туманѣ,
По жуткой чащѣ, по чужимъ тропамъ,
Дыша, въ бреду, огнемъ воспоминаній.

И на разсвѣтѣ—какъ, не знаю самъ,—
Пришелъ я вновь къ покинутой дорогѣ,
Усталый на-землю упалъ я тамъ.

И вотъ я жду въ томленьи и въ тревогѣ
(А солнце жжетъ съ лазури огневой),
Сойдетъ ли ночь, мелькнетъ ли обликъ строгій...

Приди! Зови! Бери меня! Я—твой!

Петербургъ, 1902.

VII.

MON RÊVE FAMILIER.

Люблю мечты моей созданье.
Лермонтовъ.

Вновь одинокъ, какъ десять лѣтъ назадъ,
Брожу въ саду; ведутъ аллеи тѣ же,
Съ цвѣтущихъ липъ знакомый ароматъ.

Чу! лай собакъ. Повѣялъ вѣтеръ свѣжій,
И съ тихимъ вечеромъ приходитъ бредъ,
Что̀ нѣжитъ сердце годъ за годомъ рѣже.

Мнѣ нынче снова—девятнадцать лѣтъ!
Ты вновь со мной, „мечты моей созданье“!
Дай плакать мнѣ—я снова твой поэтъ!

Какъ сладостно твоихъ шаговъ шуршанье;
Ты дышишь рядомъ; подыми я взоръ,
Твоихъ очей отвѣтитъ мнѣ сверканье.

Не измѣнилась ты,—о, нѣтъ—съ тѣхъ поръ,
Какъ мальчику явилась ты впервые,
И былъ свершенъ нашъ брачный договоръ!

Ты мнѣ дала узнать, что страсть—стихія,
Ввела во храмы воплощенныхъ грезъ,
Открыла мнѣ просторы неземные,

Слѣдила ты, какъ другъ, пока я росъ,
На первыя свиданья приходила,
Была межъ нами третья въ мірѣ розъ.

Я измѣнилъ—но ты не измѣнила,
Лишь отошла, поникнувъ головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, какъ я могъ пожертвовать тобой!
И женщинѣ изъ плоти и изъ крови
Какъ предпочелъ небесный образъ твой!

Но лишь съ тобой мнѣ счастье было вновѣ.
Въ часы луны, у перепѣвныхъ струй,
На ложѣ—у палящихъ изголовій,

Прильнувъ къ груди, впивая поцѣлуй,
Невольно я тебя искалъ очами,
Тебя я жаждалъ!.. Вѣрь и не ревнуй.

Попрежнему твой ликъ виталъ надъ снами!
Кого-бъ я ни ласкалъ, дрожа, любя,
Я счастливъ былъ лишь тайными мечтами,—

Во всѣхъ, во всѣхъ лаская лишь тебя!

Петровское-Разумовское, 1903.

VIII.

SANCTA AGATHA.

На горы тихія ложилась мгла,
А деревца по склонамъ были нѣжны,
Изъ церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной былъ крестъ, хранитель мой надежный,
Бѣлѣли чаши лилій по пути,
Благоухалъ въ цвѣту разсадникъ смежный.

И тамъ, гдѣ надлежало мнѣ пройти,
Гдѣ тѣсно путь сжимали двѣ ограды,
Предсталъ мнѣ юноша лѣтъ двадцати.

И, встрѣтясь, наши опустились взгляды:
Прекрасный, онъ, какъ праотецъ, былъ нагъ.
Намъ стало страшно и мы были рады.

Безъ воли я замедлила мой шагъ.
И стала, прислонясь, подъ вѣткой сливы,
А онъ ко мнѣ, какъ братъ иль тайный врагъ,

„Агата, молвилъ, мы съ тобой счастливы!
Я—мученикъ святой, я—Себастьянъ.
Умремъ мы въ мукахъ, но въ Отцѣ мы живы!“

Взглянувъ, увидѣла я кровь изъ ранъ
И жадно впившіяся въ тѣло стрѣлы,
Но былъ онъ свѣтомъ бѣлымъ осіянъ.

И тотъ же свѣтъ, торжественный и бѣлый,
Вдругъ отъ меня разлилъ свои лучи.
Вокругъ народъ столпился, городъ цѣлый.

Сорвавъ съ меня одежду, палачи
Мнѣ груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли надъ головой мечи.

Мой спутникъ поддержалъ меня руками
(Я падала отъ боли и стыда),
Спускались съ неба два вѣнца надъ нами.

„Сестра, спросилъ меня онъ, ты тверда?"
И подалъ мнѣ отрубленныя груди.
Я какъ невѣста отвѣчала: „да!"

И къ небу протянула ихъ на блюдѣ,
Не зная, гдѣ страданье, гдѣ любовь...
Но тутъ иные замелькали люди.

Исчезло все, и Себастьянъ, и кровь,
Означилась моя дорога къ дому
И, торопясь, пошла я дальше вновь,

Отнынѣ обрученная святому!

Флоренція, 1902.

IX.

ТЕРЦИНЫ КЪ СПИСКАМЪ КНИГЪ.

И васъ я помню, перечни и списки,
Васъ вижу предъ собой за ликомъ ликъ.
Вы мнѣ, въ степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постигъ!
При лампѣ, наклонясь надъ каталогомъ,
Вникать въ названья неизвѣстныхъ книгъ;

Слѣдить за именами; слогъ за слогомъ
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое въ немногомъ;

Возсоздавать поэтовъ и вѣка
По краткимъ, повторительнымъ помѣтамъ:
„Безъ титула", „въ сафьянѣ" и „рѣдка".

И нынѣ вы предстали мнѣ скелетомъ
Всего, что было жизнью сто вѣковъ,
Киваетъ онъ съ насмѣшливымъ привѣтомъ.

Мнѣ говоритъ: „Я не совсѣмъ готовъ,
Еще мнѣ нужны кости и суставы,
Я жажду книгъ, чтобъ сдѣлать груду словъ.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мнѣ все равно, безумецъ иль пророкъ,
Созданье для ума и для забавы.

Я всѣмъ даю опредѣленный срокъ.
Твори и ты, а изъ твоихъ мечтаній
Я сохраню навѣкъ семь-восемь строкъ.

Всесильнѣе моихъ упоминаній
Нѣтъ ничего. Безсмертіе во мнѣ.
Вѣнчаю я—міръ творчества и знаній."

Такъ остовъ говоритъ мнѣ въ тишинѣ,
И я, съ покорностью цѣлуя землю,
При быстро умирающей лунѣ,

Исчезновеніе! твой зовъ пріемлю.

1901.

КАРТИНЫ.

I.

ЛЮБЛЮ ОДНО.

Люблю одно: бродить безъ цѣли
По шумнымъ улицамъ, одинъ;
Люблю часы святыхъ бездѣлій,
Часы раздумій и картинъ.

Я съ изумленьемъ, вѣчно новымъ,
Весной встрѣчаю синеву,
И въ вечеръ пьянъ огнемъ багровымъ,
И ночью сумракомъ живу.

Смотрю въ лицо идущихъ мимо,
Въ ихъ тайны властно увлеченъ,
То полонъ грустью нелюдимой,
То богомоленъ, то влюбленъ.

Подъ вольный грохотъ экипажей
Мечтать и думать я привыкъ,
Въ тѣснинѣ стѣнъ я весь на стражѣ:
Да уловлю Господень ликъ!

1901.

II.

РАНЬШЕ УТРА.

Я знаю этотъ свѣтъ неумолимо-четкій,
И слишкомъ рѣзкій стукъ пролетки въ тишинѣ,
Предъ окнами конторъ желѣзныя рѣшетки,
Пустынность улицы, не дышащей во снѣ.

Ночь канула въ года, свободно и безумно.
Еще горятъ огни всѣхъ вдохновенныхъ силъ;
Но свѣжій утренникъ мнѣ вѣетъ въ грудь безшумно,
Недвижные дома—какъ тысячи могилъ.

Тамъ люди-трупы спятъ, вдвоемъ и одиноко,
То навзничь, ротъ открывъ, то ницъ—на животѣ.
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна въ открытой наготѣ!

Два равныхъ міра есть, двѣ равныя стихіи:
Міръ дня и ночи міръ, безумства и ума,
Но тяжки грани ихъ—часы полуночные,
Когда не властенъ свѣтъ и расточилась тьма.

Съ послѣднимъ чаяньемъ, свою мечту ночную
Душа стремится влить въ пустыя формы дня,
Но тщетно я борюсь и тщетно я колдую:
Ты, день, могучій врагъ вновь покоришь меня!

1902.

III.

КАМЕНЩИКЪ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ,
Что ты тамъ строишь? кому?
— Эй, не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно, не ты и не твой братъ, богатый.
Незачѣмъ вамъ воровать.

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто-жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть сынъ мой, такой же рабочій.
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
— Эй, берегись! подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

1901.

IV.

МАЛЬЧИКЪ.

Въ бочкѣ обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожитъ деревянный черпакъ;
Мальчикъ-вожатый изъ силъ выбивается,
Бочку на горку не втащитъ никакъ.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летятъ, пѣшеходы идутъ,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выемъ случайный и скользокъ и крутъ.

Ангелъ сверкаетъ блестящимъ воскрыліемъ,
Ангелъ въ лучистомъ вѣнцѣ надъ челомъ,
Взялъ за веревку и легкимъ усиліемъ
Бочку вкатилъ на тяжелый подъемъ.

Крестится мальчикъ, глядитъ неувѣренно,
Вотъ покатилъ свои санки впередъ.
Городъ шумитъ неизмѣнно, размѣренно,
Сани летятъ и проходитъ народъ.

1901.

V.

ЦАРИЦА.

Съ конки сошла она шагомъ богини.
(Лилія бѣлая, взросшая въ тинѣ!)
Долго смотрѣлъ я на правильность линій
Молодого лица.
Сумракъ холодный лежалъ безъ конца,
Небеса были звѣздны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмѣлился встрѣчи.
Были не нужны и тягостны рѣчи
Здѣсь на землѣ!
Контуръ ея затерялся во мглѣ.
Горѣли кругомъ погребальныя свѣчи.

Да! я провидѣлъ тебя въ багряницѣ,
Въ золотой діадемѣ... Надменной царицей
Ты справляла тріумфъ въ покоренной столицѣ...
Чу! крики безчисленныхъ устъ!
Нѣтъ, тротуаръ озаренный безмолвенъ и пустъ,
Лишь фонари убѣгаютъ впередъ вереницей.

1901.

VI.

ПРОХОЖЕЙ.

Она прошла и опьянила
Томящимъ сумракомъ духовъ
И быстрымъ взоромъ оттѣнила
Возможность невозможныхъ сновъ.

Сквозь уличный желѣзный грохотъ
И пьянъ отъ синяго огня,
Я вдругъ заслышалъ жадный хохотъ,
И змѣи оплели меня.

Въ моихъ глазахъ еще синѣла
Небесъ вечернихъ полумгла,
Но теплота чужого тѣла
Меня объяла и прожгла.

И въ ужасѣ борьбы упорной,
Межъ клятвъ, моленій и угрозъ,
Я былъ опутанъ влагой черной
Ея распущенныхъ волосъ.

1901.

VII.

ГОЛОСЪ ЧАСОВЪ.

Съ высокой башни колокольной,
Призывный замѣняя звонъ,
Часы поютъ надъ жизнью дольной,
Слѣдя движеніе временъ.

Но днемъ въ бреду многоголосномъ
Не слышенъ звонкій ихъ напѣвъ,
Надъ гулкимъ грохотомъ колеснымъ,
Надъ крикомъ рынка, смѣхомъ дѣвъ.

Когда-жъ устанетъ день, и ляжетъ
Ночная тѣнь во всѣхъ углахъ,
И шуму замолчать прикажетъ,
И перемѣнитъ жизнь въ огняхъ,

Мы всѣ, покорствуя невольно,
Въ пространномъ царствѣ вѣщихъ сновъ,
Съ высокой башни колокольной
Внимаемъ голосу часовъ.

Густѣютъ и рѣдѣютъ тѣни.
А торжествующая мѣдь
Зоветъ и насъ въ чредѣ мгновеній,
Мелькнуть, побыть и умереть.

1902.

VIII.

НА СКАЧКАХЪ.

Люблю безумное стремленье
Къ столбу летящихъ лошадей,
Ихъ равномѣрное храпѣнье
И трепетъ вытянутыхъ шей.

Когда въ началѣ свѣжи силы,
Подъ шумъ о землю бьющихъ ногъ,
Люблю задержанной кобылы
Увѣренный упругій скокъ.

Люблю я пестрые камзолы,
Въ случайный сбитые букетъ,
И финишъ, ярый и тяжелый,
Гдѣ мигъ колеблетъ „да“ и „нѣтъ“.

Когда счастливецъ на прямую
Выходитъ всѣхъ опередивъ,
Я съ нимъ побѣду торжествую,
Его понятенъ мнѣ порывъ!

Быть первымъ, вольно одинокимъ!
И видѣть, что близка мета,
И слышать отзвукомъ далекимъ
Удары ногъ и щелкъ хлыста!

1902.

IX.

ЧУДОВИЩА.

Зловѣщее и смутное есть что-то...
К. Фофановъ.

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
Стоятъ чудовища, незримыя людьми:
Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь надеждѣ.
И всѣ мы, съ первыхъ дней вступая въ старый домъ,
Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
Ихъ образъ—какъ у птицъ. Какъ глупые пингвины,
Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
Какъ грифы сѣрые, нахохлясь, по угламъ,
За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
Какъ совы, на шкапахъ таятся, и оттуда
Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи,
И гдѣ-то вдалекѣ шумятъ за чаемъ рѣчи, —
Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ давнихъ поръ,
Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ за мигомъ мигъ смѣлѣе,
Почти-что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.

А послѣ, полночью, въ квартирѣ тупо спящей
Блуждаютъ, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

1903.

X.

ЗИМНІЕ ДЫМЫ.

Хорошо намъ, вольнымъ дымамъ,
Подыматься, разстилаться,
Кочевать путемъ незримымъ,
Въ рѣдкомъ воздухѣ теряться,

Проходя по длиннымъ трубамъ,
Возноситься выше, выше,
И клубиться бѣлымъ клубомъ,
Наклоняясь къ бѣлымъ крышамъ.

Дѣти пламени и праха,
Мы какъ пламя многолики,
Мы встрѣчаемъ смерть безъ страха,
Въ вольной области—владыки!

Надъ толпой нѣмыхъ строеній,
Міромъ камней онѣмѣлыхъ,
Мы—семья прозрачныхъ тѣней—
Дышимъ въ дѣвственныхъ предѣлахъ.

Воздухъ медленный и жгучій—
Какъ опора нашихъ крылій,
Сладко рѣять дружной тучей
Безъ желаній, безъ усилій.

Даль морозная въ туманѣ,
Блѣденъ мѣсяцъ въ глуби синей,
Въ смѣнѣ легкихъ очертаній
Мы кочуемъ по пустынѣ.

1901.

XI.

ОКЛИКИ ДЕМОНОВЪ.

Свистки паровозовъ въ предутренней мглѣ
Дымъ надъ безжизненнымъ прудомъ.
Городъ все ближе: обдуманнымъ чудомъ
Зданія встали въ строй по землѣ.
Привѣтъ—размѣреннымъ грудамъ!

Проволокъ нити нѣжнѣй и нѣжнѣй
На небѣ, свѣтлѣющемъ нѣжно.
Вотъ обняли двѣ вереницы огней,
Мой шагъ по плитамъ слышнѣй.
Проститутка меня позвала безнадежно.

Бѣлая мгла въ предразсвѣтный часъ!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумныя грезы усталыхъ глазъ!
Призраки утра! мы не страшны для васъ,
Вы пустынному часу такъ рады.

Всходятъ, идутъ и плывутъ существа,
Застилаютъ заборы,
Глядятъ изъ подваловъ, покинувши норы,
Жадно смотрятъ за шторы,
И сквозь бѣлое тѣло видна синева.

Вотъ малютки—два призрака—въ яркомъ вѣнкѣ,
Забавляются пылью,
Вотъ длинная сѣрая шаль на больномъ старикѣ,
Вотъ женщина сѣла на камень въ тоскѣ,
Вотъ дѣвушку къ небу влекутъ ея крылья.

Ходятъ, стоятъ, преклоняются ницъ,
(Словно обычные люди!)
Рѣютъ рядами чудовищныхъ птицъ,
Лепечутъ привѣты и шепчутъ угрозы, —
Предъ утромъ бродячія грезы!
О дымъ на безжизненномъ прудѣ!
О демоновъ окликі! ваши свистки, паровозы!

1902.

XII.

НОЧЬ.

Горящее лицо земля
Въ прохладной тѣни окунула.
Пустѣютъ знойныя поля,
Въ столицахъ молкнетъ пѣсня гула.

Идетъ и торжествуетъ мгла,
На лампы дуетъ, гаситъ свѣчи,
Въ постели къ любящимъ легла
И властно ихъ смежила рѣчи.

Но пробуждается развратъ.
Въ его блестящіе пріюты
Сквозь тьму, по улицамъ, спѣшатъ
Скитальцы покупать минуты.

Стрѣлой вонзаясь въ города,
Свистя въ поляхъ, гремя надъ бездной,
Летятъ немолчно поѣзда
Впередъ по полосѣ желѣзной.

Глядятъ несытые ряды
Фабричныхъ оконъ въ темный холодъ,
Не тихнетъ рѣзкій стонъ руды,
Ему въ отвѣтъ хохочетъ молотъ.

И, спину яростно клоня,
Скрываютъ бѣшенство проклятій
Среди желѣза и огня
Давно испытанныя рати.

1902.

XIII.

ЗИМНЯЯ КРАСОТА.

Твердятъ серебряныя сѣни
О счастьи жизни для мечты,
О сладкомъ бытіи растеній
Въ убранствѣ зимней красоты.

Но я не внемлю, не пріемлю
Ихъ мѣрный шопотъ, бѣлый зовъ.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанныхъ цвѣтовъ!

Нѣтъ, нѣтъ, не надо мертвой нѣги
Въ лучахъ прельстительной луны!
Вставайте, мощные побѣги,
На пирѣ огненной весны!

Я буду самъ какъ стебель явленъ,
Омою въ зноѣ вѣнчикъ свой,
И лягу, сломанъ и раздавленъ,
До первой вьюги снѣговой!

1903.

XIV.

ПРЕЛЕСТИ ЗЕМЛИ.

Все рѣже я и все безстрастнѣй
Смотрю на прелести земли,
Какъ въ дѣтствѣ нѣжившія басни,
Красоты міра отошли.

Мнѣ тяжела дневная зелень
И слишкомъ сини небеса,
Для слуха каждый звукъ раздѣленъ,
Когда взволнуются лѣса.

Люблю я сумрачныя краски,
Громады стѣнъ въ лучахъ луны,
Меня привѣтствуетъ по-братски
Міръ доразсвѣтной тишины.

Дрожа бѣлѣетъ сумракъ чуткій,
Гремящій городъ мертвъ на часъ,
Спятъ мудрецы, спятъ проститутки,
И въ два ряда мнѣ свѣтитъ газъ.

1902.

АНТОЛОГІЯ.

I.

ЯРОСТНЫЯ ПТИЦЫ.

Яростныя птицы съ огненными перьями
Пронеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморѣ,
И умчались странницы, улетѣли за-море.

Но на чистомъ мраморѣ, на порогѣ дѣвственномъ,
Что-то все алѣлося блескомъ неестественнымъ,
И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

1901.

Ц.

СЛАДОСТРАСТІЕ.

Ѳ. Сологубу.

Въ яркомъ вѣнкѣ изъ пурпурнаго мака,
Смутно рѣсницы къ землѣ опустивъ,
Женщина вышла изъ тусклаго мрака...
Обликъ лица ея грубо красивъ.

Серьги по золоту блещутъ рубиномъ,
Шею оплелъ ей кровавый кораллъ,
Вѣетъ отъ губъ ея чѣмъ-то звѣринымъ,
Тишью пещеръ и пустынностью скалъ.

Черные волосы, съ сумракомъ слиты,
Пали на бѣлую матовость плечъ,
Выпуклы, подняты, вѣчно не сыты,
Груди дрожатъ отъ желанія встрѣчъ.

Руки протянуты (такъ, безпокоясь,
Ищетъ слѣпая далекой стѣны),
Бедра опуталъ ей тигровый поясъ...
Тише! привѣтствуй восторгъ тишины!

Чу! загремѣли чуть слышно запястья,
Губы скривились въ мучительный знакъ...
Снова, о снова, истомы и счастья!
Пусть осыпается пурпурный макъ.

1901.

III.

ВЪ РАЮ.

An Maximilian Schick.

Лишь закрою глаза, какъ мнѣ видится берегъ
Полноводной рѣки, тѣни синей волны.
Дремлетъ небо одной изъ Полдневныхъ Америкъ,
Чуть дрожа на качеляхъ рѣчной глубины.

Вѣетъ вѣтеръ какого-то лучшаго вѣка,
Вѣетъ юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкія серны, друзья человѣка,
Пѣсня вольныхъ охотниковъ молкнетъ вдали.

Обнаженные юноши, дѣвы и дѣти
Выбѣгаютъ на отмель веселой толпой,
И бросаются въ воду, при радостномъ свѣтѣ,
Словно горсти жемчужинъ блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здѣсь и тамъ задымился и свѣтитъ костеръ.
Дѣва спутника игръ обнимаетъ какъ брата...
О, какъ сладки во мглѣ поцѣлуи сестеръ!

Да, я знаю тѣ земли и знаю то время,
Ихъ свободно и быстро въ мечтахъ узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И какъ путникъ-прохожій я съ ними въ раю!

1902.

IV.

СОНЪ.

Какъ городъ призрачный въ пустынѣ,
У края безднъ возникъ мой сонъ.
Не молкнетъ молній отсвѣтъ синій,
Надъ кручей ясенъ небосклонъ.

И пышенъ городъ, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждетъ въ бездонной безднѣ мгла.

И вотъ уже, какъ звонъ надгробный,
Сквозь вѣки слышится разсвѣтъ,
Вотъ стѣны—призракамъ подобны,
И вотъ на башняхъ — шпилей нѣтъ...

Когда же явь мнѣ въ очи глянетъ,
Я буду сброшенъ съ тѣхъ высотъ,
Весь городъ тусклой тѣнью станетъ
И, рухнувъ, въ пропасть соскользнетъ.

И алчно приметъ пасть пучины
За храмомъ храмъ, за домомъ домъ...
И вотъ—лишь двѣ иль три руины
Вѣщаютъ смутно о быломъ.

1902.

V.

ЛЕДЪ И УГОЛЬ.

Ледъ и уголь, вы — могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Ледъ блестящій какъ стекло!

Что вы, красные уроды,
Дымъ прорѣзавши, горды?
Удвояетъ ликъ природы
Гладь затихнувшей воды!

Пусть все отжило, застыло,
Зыби нѣтъ, лучамъ конецъ:
Ледъ — надъ водною могилой,
Уголь—безъ надеждъ мертвецъ!

Онъ подъ новой вспышкой жара
Лишь кровавится какъ бѣсъ,
Но свободной тѣнью пара
Ледъ восходитъ до небесъ.

1902.

VI.

ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ.

Бѣлый день, прозрачно бѣлый,
Золотой какъ кружева...
Сосенъ пламенное тѣло,
Зноемъ пьяная трава.

Пробѣгающія тучи,
Но не смѣющія пасть...
Гдѣ-то въ сердцѣ, съ силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди такъ, не зови такъ,
Ласкъ ненужныхъ не желай.
Пусть пылающій напитокъ
Перельется черезъ край.

Ближе вечеръ... Солнце клонитъ
Возростающую тѣнь...
Пусть же въ памяти потонетъ
Золотой и бѣлый день.

Верея, 1902.

VII.

ОБЛАКА.

Облака опять поставили
Паруса свои.
Въ зыбь небесъ свой бѣгъ направили
Бѣлыя ладьи.

Тихо, плавно, безъ усилія
Въ даль безъ береговъ
Вышла дружная флотилія
Сказочныхъ пловцовъ.

И, плѣняясь тѣми сферами,
Смотримъ мы съ полей, _
Какъ скользятъ рядами сѣрыми
Кили кораблей.

Но и насъ вѣдь долженъ съ палубы
Видѣть кто-нибудь,
Чье желанье сознавало бы
Этотъ вольный путь!

1902.

VIII.

НА ПЕСКѢ.

Маленькая дѣвочка
На пескѣ, на лѣсенкѣ
Камешки бросала.
Дѣти пѣли пѣсенки,
Ихъ семья играла.
Маленькая дѣвочка
Камешки бросала.
Броситъ вверхъ — смѣется,
Хлопаетъ въ ладошки...
Дѣвочкамъ поется.
Гдѣ-то тамъ въ окошкѣ,
Пѣли, пѣли гаммы.

Маленькая дѣвочка
Камешки бросала,
Маленькая дѣвочка
Наконецъ устала,
На пескѣ, на лѣсенкѣ
Прилегла близъ мамы.
Дѣти пѣли пѣсенки;
Въ домикѣ налѣво
Изучали гаммы...
Я слагалъ напѣвы.

Венеція, 1902.

IX.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой — какъ я.

Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.

Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ умирающій
Въ тихой безднѣ сновъ.

Словно рѣчь безсвязная —
Память лучшихъ дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива какъ мы!

И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,
Вспомни ночь пѣвучую,
Тихія слова!

Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая —
Вся любовь моя!

1903.

X.

ТЕРЕМЪ.

Іоаннѣ Б.

Тихи дни и годы — годы въ терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно таетъ, гаснетъ безъ слѣда...
Тусклый свѣтъ роняетъ пестрая слюда;

За окошкомъ главы — малый край небесъ,
По простѣнкамъ травы — непостижный лѣсъ.

Съ темной образницы кроткій свѣтъ лампадъ...
Тѣ же, тѣ же лица, что и день назадъ!

Та же все работа, пѣсни безъ души...
Льются дни безъ счета, какъ вода въ тиши...

Только въ воскресенье бѣгло видишь міръ:
Въ церкви чтенье, пѣнье — отдаленный клиръ,

Дома смѣхъ, салазки, снѣжная гора,
Да подъ вечеръ пляски, сказки гусляра.

Сны усталыхъ сладки — жжетъ лебяжій пухъ...
На ухо загадки кто-то шепчетъ вслухъ,

Снится сине море, снится царскій сынъ,
Знаешь страсть и горе, хоть на часъ одинъ!

Утро. Съ образницы кроткій свѣтъ на всѣхъ.
Тихо какъ въ гробницѣ. За окошкомъ—снѣгъ.

1903.

XI.

ВИТЯЗЬ.

1.

— О чемъ же ты тоскуешь, витязь,
Одинъ на башенной стѣнѣ?
— Убійствомъ и борьбой насытясь,
Еще я счастливъ не вполнѣ.
Меня гнетутъ мои кольчуги,
Хочу извѣдать тайны сна.
Уйдите прочь, друзья и слуги,
Меня утѣшитъ тишина.

2.

— Зачѣмъ же, слуги, вы таитесь
Въ проходахъ темныхъ, въ тишинѣ?
— Нашъ господинъ, нашъ славный витязь,
Давно покоится во снѣ.
Мы ждемъ, что дверь—вдругъ распахнется,
Онъ крикнетъ зовомъ боевымъ
И вновь къ побѣдамъ понесется,
А мы тогда—за нимъ! за нимъ!

3.

— Меня ты слышишь ли, мой витязь?
Довольно спать! возстань! возстань!

— Мечтой и тишиной насытясь,
Я перешелъ земную грань.
Давно мои бѣлѣютъ кости,
Ихъ червь покинулъ гробовой,
Всѣ слуги дремлютъ на погостѣ,
И только тѣни предъ тобой!

1902.

XII.

КАМНИ.

Камни, камни! о васъ сожалѣнье!
Вы по землѣ мнѣ родные!
Въ жилахъ моихъ роковое біенье
Та же, все та же стихія.
Вѣка вы питались кровью заката,
Жертвенной, дѣвственной кровью;
Васъ море ласкало, какъ старшаго брата,
Грызло, кусало съ любовью.
Люди, изъ васъ воздвигали мы храмы,
Изъ васъ мы слагали дворцы и жилища,
Вами мы крыли могильныя ямы,
Вы съ нами—въ жизни и на кладбищѣ!
Камни, камни, о васъ сожалѣнье!
Въ день, когда ангеловъ къ солнцу подымутся трубы,
Вы ли пребудете внѣ воскресенья,
Какъ хаосъ косный и грубый?
Нѣтъ, вы не даромъ родня изумрудамъ,
Аметистамъ, рубинамъ, сапфирамъ,
Жизненный трепетъ пройдетъ по встревоженнымъ грудамъ
И камней встревоженный гимнъ, какъ сіяніе, встанетъ надъ міромъ.

1903.

XIII.

ПРЕЗРѢНІЕ.

Великое презрѣніе и къ людямъ и къ себѣ
Растетъ въ душѣ властительно, царитъ въ моей судьбѣ.

Любилъ бы, да не въ силахъ я, не ищешь и не ждешь,
И всѣ мечты какъ призраки, и всѣ желанья—ложь.

Откроетъ ли намъ истина свое лицо иль нѣтъ,
Я буду-ль жить по имени во глуби долгихъ лѣтъ,

И ты, о комъ я думаю, ты любишь ли меня,
И мнѣ скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мнѣ все равно, мнѣ все равно, слѣжу игру тѣней.
Я долго жизнь разсматривалъ, я присмотрѣлся къ ней.

Какъ листъ, въ потокъ уроненный, я отдаюсь судьбѣ,
И лишь растетъ презрѣніе и къ людямъ и къ себѣ.

1903.

XIV.

КЪ УСТЬЮ!

На волны набѣгаютъ волны,
Растетъ приливъ, отливъ растетъ,
Но, не скудѣя, вѣчно полны
Вмѣстилища свободныхъ водъ.

На годы набѣгаютъ годы,
Не молкнетъ ровный стукъ минутъ,
И дни и годы, словно воды,
Въ просторы вѣчности текутъ.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньямъ отдаюсь,
И какъ рѣка стремится къ устью,
Къ безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годомъ годъ,
И утлый челнъ мой приметъ вѣчность
Въ неизмѣримость черныхъ водъ.

1903.

ОДЫ И ПОСЛАНІЯ.

I.

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Вѣчно вольный, вѣчно юный,
Ты какъ вѣтеръ, какъ волна,
Рѣчь твоя поетъ какъ струны,
Входитъ въ души какъ весна.

Вѣетъ вѣтеръ быстролетный
И кругомъ дрожатъ цвѣты,
Онъ ласкаетъ, безотчетный,
Все вокругъ—таковъ и ты!

Ты какъ звѣзды—близокъ небу.
Да, ты—избранный, поэтъ!
Дара высшаго не требуй!
Дара высшаго и нѣтъ.

„Высшимъ знакомъ ты отмѣченъ",
Чти свою святыню самъ,
Будь покоренъ, будь безпеченъ,
Будь подобенъ облакамъ.

Все равно, куда ихъ двинетъ
Вѣтеръ, вѣющій кругомъ.
Пусть туманъ какъ градъ застынетъ,
Пусть обрушится дождемъ,

И надъ полемъ и надъ бездной
Облака зарей горятъ.
Будь же тучкой безполезной,
Какъ она лови закатъ!

Не ищи, гдѣ жаждетъ поле,
На раздумья сновъ не трать.
Намъ забота. Ты на волѣ!
На тебѣ ея печать!

Можетъ: наши сны глубоки,
Голосъ нашъ—вѣкамъ завѣтъ,
Какъ и ты, мы одиноки,
Мы—пророки... Ты—поэтъ!

Ты не нашъ—ты только Божій.
Мы весь годъ—ты краткій май!
Будь—единый, непохожій,
Нашей силы не желай.

Ты сильнѣй насъ! Будь поэтомъ,
Вѣрь мгновенью и мечтѣ.
Стой, своимъ овѣянъ свѣтомъ.
Гдѣ-то тамъ, на высотѣ.

Тщетны дерзкія усилья,
Намъ къ тебѣ не досягнуть!
Ты же, вдругъ раскинувъ крылья,
Въ небесахъ направишь путь.

1903.

II.

ЕМУ ЖЕ.

Нѣтъ, мой лучшій братъ, не правъ ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывемъ, какъ аргонавты,
Душу ввѣривъ кораблю.

Всѣ мы въ дѣлѣ: у кормила,
Тамъ, гдѣ парусъ, гдѣ весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и въ дикомъ крикѣ фурій,
Взоромъ молній озаренъ,
Заклинатель духовъ бури,
Ты поешь намъ, Аріонъ!

Если насъ къ земному лону
Донести дано судьбѣ,
Первый гимнъ нашъ—Аполлону,
А второй нашъ гимнъ—тебѣ!

Если-жъ зыбкій гробъ въ пучинѣ
Присудили парки намъ,
Мы подземной Прозерпинѣ
И таинственнымъ богамъ

Предадимъ съ молитвой душу,—
А тебя изъ мглы пучинъ
Тихо вынесетъ на сушу
На спинѣ своей—дельфинъ.

1903.

III.

ЛЕВЪ СВЯТОГО МАРКА.

Pax tibi, Marce, evangelista meus.

(Надпись на книгѣ, которую держитъ въ лапахъ левъ святого Марка).

Кѣмъ открытъ въ кускѣ металла
Ты, святого Марка левъ?
Чье желанье оковало
На вѣка—державный гнѣвъ?

„Миръ тебѣ, о, Маркъ, глашатай
Вѣчной истины моей."
И на книгу левъ крылатый
Наступилъ, какъ стражъ морей.

Полузвѣрь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять вѣковъ морей царица
Насмѣхалась надъ судьбой.

Въ топи илистой лагуны
Встали бѣлые дворцы,
Пѣли кисти, пѣли струны,
Міръ судили мудрецы.

Сколько гордыхъ, сколько славныхъ,
Провожая въ море день,
Созерцали крылъ державныхъ
Возрастающую тѣнь.

И въ святые дни Беллини
Ты-надъ жизнью міровой
Такъ же гордъ стоялъ, какъ нынѣ
Надъ развѣнчанной страной.

Я—невѣдомый прохожій
Въ суетѣ другихъ бродягъ;
Предъ дворцомъ, гдѣ жили дожи,
Генуэзскій вьется флагъ;

Не услышишь ты съ канала
Тасса медленный напѣвъ;
Но, открытъ въ кускѣ металла,
Ты хранишь державный гнѣвъ,

Надъ толпами, надъ вѣками,
Равенъ міру и судьбѣ,
Левъ съ раскрытыми крылами
На торжественномъ столбѣ.

Венеція, 1902.

IV.

ВЕНЕЦІЯ.

Почему подъ солнцемъ юга въ яркихъ краскахъ и цвѣтахъ,
Въ формахъ выпукло-прекрасныхъ представалъ предъ взо-
ромъ прахъ?

Здѣсь—пришлецъ я, но когда-то здѣсь душа моя жила.
Это понялъ я, припомнивъ гондолъ черныя тѣла,

Это понялъ, повторяя Юга полныя слова,
Это понялъ, лишь увидѣлъ моего святого Льва!

Отъ условій повседневныхъ жизнь свою освободивъ,
Человѣкъ здѣсь сталъ прекраснѣ и какъ солнце горделивъ.

Онъ воздвигъ дворцы въ лагунѣ, сдѣлалъ дожемъ рыбака,
И къ Венеціи безвѣстной поползли, дрожа, вѣка.

И донынѣ неизмѣнно все хранитъ здѣсь явный слѣдъ
Прежней дерзости и мощи, надъ которой смерти нѣтъ.

Венеція, 1902.

V.

ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО.

Блаженъ, кто палъ какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ началѣ поприща торжествъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ.

В. Кюхельбекеръ.

И ты счастливъ, намъ скорбь—тебѣ веселье,
Не въ будничныхъ тискахъ ты изнемогъ,
Здѣсь на землѣ ты справилъ новоселье,
И празднично еще горитъ чертогъ.

Ты жаждалъ знать. Съ испугомъ и любовью
Пытливымъ взоромъ ты за грань проникъ,—
Но эти сны не преданы злословью,
Изъ тайнъ не сдѣлано тяжелыхъ книгъ.

Ты просіялъ и ты ушелъ, мгновенный,
Изъ кубка новаго одинъ испивъ.
И что предвидѣлъ ты, во всей вселенной
Не повторитъ никто... Да, ты счастливъ.

Лишь, можетъ быть, свободныя стихіи
Прочли и отразили тѣ мечты.
Онѣ и ты—вы были какъ родные,
И вотъ вы близки вновь,—онѣ и ты!

Ты между нихъ въ раздольи одинокомъ,
Гдѣ тихій прахъ твой сладко погребенъ.
Какъ хорошо тебѣ въ лѣсу далекомъ,
Гдѣ вѣтеръ, и березы, вязъ, и кленъ!

1901.

VI.

АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Я многимъ вѣрилъ до изступленности,
Съ такою надеждой, съ такою любовью!
И мнѣ былъ сладокъ мой бредъ влюбленности,
Огнемъ сожженный, залитый кровью.

Какъ глухо въ безднахъ, гдѣ одиночество,
Гдѣ замеръ сумракъ молочно-сизый...
Но снова голосъ! зовутъ пророчества!
На мутныхъ высяхъ чернѣютъ ризы!

„Братъ, что ты видишь?"—Какъ отзвукъ молота
Какъ смѣхъ внѣмірный, мнѣ откликъ слышенъ:
„Въ сіяніи небо—вино и золото!—
Какъ ярки дали! какъ вечеръ пышенъ!"

Отдавшись снова, спѣшу на кручи я,
По острымъ камнямъ, межъ ихъ изломовъ.
Мнѣ рѣжутъ руки цвѣты колючіе,
Я слышу хохотъ подземныхъ гномовъ.

Но въ сердцѣ—съ жаждой рѣшенье строгое,
Горитъ надежда лучомъ усталымъ.
Я много вѣрилъ, я проклялъ многое,
И мстилъ невѣрнымъ въ свой часъ кинжаломъ.

1903.

VII.

МЛАДШИМЪ.

Они Ее видятъ! они Ее слышатъ!
Съ невѣстой женихъ въ озаренномъ дворцѣ!
Свѣтильники тихое пламя колышатъ,
И отсвѣты радостно блещутъ въ вѣнцѣ.

А я безнадежно бреду за оградой,
И слушаю говоръ за длинной стѣной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свѣтъ, непонятный и желтый,
Но въ небѣ напрасно ищу я звѣзду...
Дойдя до воротъ, на желѣзные болты
Горячимъ лицомъ приникаю—и жду.

Тамъ, тамъ, за дверьми—ликованіе свадьбы,
Въ дворцѣ озаренномъ съ невѣстой женихъ!
Желѣзные болты сломать бы, сорвать бы!...
Но пальцы безсильны и голосъ мой тихъ.

1903.

VIII.

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ.

Осенній вѣтеръ вылъ надъ урной одинокой.

Ю. Б.

Намъ должно жить! Лучомъ и свѣтлой пылью,
Волной и бездной должно опьянѣть,
И всѣ круги пройти—отъ торжества къ безсилью,
Устать прекрасно,—но не умереть!

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

Блудящій огонекъ—надежда всей вселенной—
Намъ окружилъ вѣнцами волоса,
И если мы умремъ, то онъ—нетлѣнный—
Изъ жизни отлетитъ, къ планетамъ, въ небеса.

Тяжелая плита надъ нашей мертвой грудью
Задвинетъ навсегда всѣ вѣщіе пути,
И вѣтеръ будетъ пѣть унылый гимнъ безлюдью...
Намъ умереть нельзя! нѣтъ, мы должны итти!

1901.

IX.

З. Н. ГИППІУСЪ.

Неколебимой истинѣ
Не вѣрю я давно,
И всѣ моря, всѣ пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтобъ всюду плавала
Свободная ладья
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же въ бѣломъ саванѣ
Усну, пускай во снѣ
Всѣ бездны и всѣ гавани
Чредою снятся мнѣ.

1901.

X.

В. И. ПРИБЫТКОВУ.

Застольная рѣчь.

Мы здѣсь собрались дружнымъ кругомъ,
Когда весна шумитъ надъ Югомъ
И тихо голубѣетъ твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмамъ слышно пѣнье
О побѣдившемъ смертью смерть!

Безсильно таютъ глыбы снѣга,
Рѣка разламываетъ ледъ,
Чтобъ къ морю полетѣть съ разбѣга,
Въ себѣ качая небосводъ.
А по полямъ цвѣтетъ, поетъ
Подснѣжниковъ святая нѣга.

Насъ не страшатъ земныя зимы,
Мы веснамъ вѣримъ въ смѣнѣ лѣтъ!
Не такъ ли косностью томимы,
О, смерть! мы вѣримъ въ твой обѣтъ!
Нашъ путь далекъ, мы пилигримы,
Но вдалекѣ намъ свѣтитъ свѣтъ.

Да! этотъ міръ какъ призракъ канетъ
Смерть наши узы разорветъ.

И новый день намъ въ душу глянетъ!
Пусть онъ насъ снова отуманитъ,
И пусть измучитъ, пусть обманетъ,
Но только былъ бы зовъ—впередъ!

1901.

XI.

ІЮЛЬ 1903.

Да, пробилъ послѣдній, двѣнадцатый часъ!
Такъ звучно, такъ грозно.
Часы міровые окликнули насъ.
О, еслибъ не поздно!

Зарницами синими полночь полна,
Бушуютъ стихіи,
Кровавымъ лучемъ озарилась луна
На Айа-Софіи.

Стоимъ мы теперь на распутьи вѣковъ,
Гдѣ выборъ дороги,
И въ грозную полночь окликнулъ насъ зовъ,
И властный и строгій.

Кто въ часъ совершеній въ дремотѣ поникъ,—
Судьбѣ не угоденъ.
И мимо пройдетъ, отвративши свой ликъ,
Посланникъ Господенъ.

О, есть еще время! Стучатъ и стучатъ
Часы міровые.
Въ таинственныхъ молніяхъ виденъ Царьградъ
И Айа-Софія.

1903.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

I.

ГОРОДЪ ЖЕНЩИНЪ.

Домчало насъ къ пристани въ часъ предвечерній,
Когда на столбахъ зажигался закатъ,
И волны старались плескаться размѣрнѣй
О плиты бассейновъ и сходы аркадъ.
Былъ берегъ таинственно пустъ и неслышенъ.
Во всей красотѣ златомраморныхъ стѣнъ,
Дворцами и храмами, легокъ и пышенъ,
Весь городъ вставалъ изъ прибоевъ и пѣнъ.
У пристани тихо качались галеры,
Какъ будто сейчасъ опустивъ паруса,
И видѣлись улицы, площади, скверы,
А дальше весь край занимали лѣса.
Но не было жизни и не было люда,
Закрытыя окна слагались въ ряды,
И только картины глядѣли оттуда...
И звукъ не сливался съ роптаньемъ воды.

Насъ лоцманъ не встрѣтилъ, гостей неизвѣстныхъ,
И намъ не пропѣла съ таможни труба,
И мы, проходя близъ галеръ многомѣстныхъ,
Узнали, что пусты онѣ какъ гроба.
Мы тихо пристали у длиннаго мола,
И бросили якорь и подняли флагъ.
Мы сами молчали въ тревогѣ тяжелой,
Какъ будто грозилъ неизвѣданный врагъ.
Насъ шестеро вышло бродягъ неуклонныхъ,
Искателей дней, любопытныхъ къ судьбѣ,

Мы дома не кинули дѣвъ обрученныхъ,
И каждый заботился лишь о себѣ.
Съ нѣмого проспекта сойдя въ переулки,
Мы шли и стучались у мертвыхъ дверей,
Но только шаги были четки и гулки,
Да стекла дрожали большихъ фонарей.
Какъ будто манили къ себѣ магазины,
И груды плодовъ и бутылки вина...
Но насъ не окликнулъ привѣтъ ни единый...
И вотъ начала насъ томить тишина.

А съ каждымъ мгновеньемъ яснѣй, неотвязнѣй
Кругомъ разливался и жилъ ароматъ.
Мы словно тонули въ какомъ-то соблазнѣ
И шли и не знали, пойдемъ ли назадъ.
Все было безмолвно, мертво, опустѣло,
Но всюду, у портиковъ, въ сводахъ, въ тѣни
Дышало раздѣтое женское тѣло,—
И въ запахѣ этомъ мы были одни.
Впивая его раздраженнымъ дыханьемъ,
Мы стали пьянѣть, какъ отъ яда змѣи.
Никто, обжигаемый жаднымъ желаньемъ,
Не могъ подавлять трепетанья свои.
Мы стали кидаться на плотныя двери,
Мы стали ломиться въ рѣшетки окна,
Какъ первые люди, какъ дикіе звѣри...
И мгла была запахомъ тѣла полна.

Безъ цѣли, безъ мысли, тупы, но упрямы,
Мы долго качали затворы дворца...
И вдругъ подломились желѣзныя рамы...
Мы замерли,—сразу упали сердца.
Потомъ мы рванулись, тѣснясь, угрожая,
Мы вспрыгнули въ залъ, побѣжали впередъ.
На комнаты мгла налегала ночная,
И громко на крики отвѣтствовалъ сводъ.

Мы вкругъ обѣжали пустыя палаты,
Взобрались наверхъ, осмотрѣли весь домъ:
Все было наполнено, свѣжо, богато,
Но не было жизни въ жилищѣ пустомъ.
И запахъ такой же, полнѣй, изначальнѣй,
Въ покояхъ стоялъ, возрастая въ тѣни,
И на полъ упали мы въ шелковой спальнѣ,
Цѣлуя подушки, ковры, простыни.
И ночь опустилась, и мы не поднялись,
И насъ наслажденье безмѣрное жгло,
И мы содрогались, и мы задыхались...
Когда мы очнулись,—ужъ было свѣтло.

Мы шестеро вышли на воздухъ, къ свободѣ,
Безъ словъ отыскали на берегъ пути
И такъ же безъ словъ притаились въ проходѣ:
Мы знали, что дальше не должно итти.
И долго, подъ мраморнымъ портикомъ стоя,
Съ предѣла земли не спускали мы глазъ.
Корабль нашъ качался на зыби прибоя,
Мы знали, что онъ дожидается насъ.
По улицамъ клича, друзья насъ искали,
Но, слыша, какъ близятся ихъ голоса,
Мы прятались быстро въ проходѣ, въ подвалѣ...
И послѣ корабль распустилъ паруса.
Поплылъ въ широту и въ свободное море,
Гдѣ бури, и солнце, и подвиги есть,
И только въ словахъ баснословныхъ исторій
Объ насъ, для безумцевъ, останется вѣсть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!
Забудьте про тайну далекой земли!
О, счастливъ, кто дремлетъ въ надежной защитѣ,—
Но, дерзкіе, здѣсь мы не смерть обрѣли!
Найти здѣсь легко пропитанье дневное,
Нѣтъ, мы не умремъ,—но весь день нашъ унылъ,

И только встрѣчая дыханье ночное,
Встаемъ мы въ волненьи воскреснувшихъ силъ!
И бродимъ по городу въ зломъ ароматѣ,
И входимъ въ дворцы и въ пустые дома
Навстрѣчу открытыхъ незримыхъ объятій—
И вплоть до разсвѣта ласкаетъ насъ тьма.
Въ ней есть наслажденье до слезъ и до боли,
И сладко лежать намъ въ пыли и въ крови,
И счастью въ замѣну не надо намъ воли,
И зримыхъ лобзаній, и явной любви!

Венеція, 1902.

II.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Онъ придетъ, обезумѣвшій міръ,
Который поэтомъ прославленъ.
Будетъ сладостнымъ ядомъ отравленъ
Воздухъ и самый эѳиръ.
Съ каждымъ мигомъ впивая отраву,
Обезумѣютъ бѣдныя дѣти земли:
Мудрецы—земледѣльцы—пѣвцы—короли—
Звѣри—птицы—деревья—и травы.

Станутъ распускаться странные цвѣты,
Яркіе какъ солнце, дышащіе пряно,
Открывая къ воздуху жаждущіе рты.
Яркостью нежданной заблестѣвъ, поляны
Заструятъ томительный, жгучій ароматъ.
Птицы изступленныя стаями взлетятъ,
Надъ блестящимъ городомъ и на мѣстѣ дикомъ
Замелькаютъ съ радостнымъ, многосложнымъ крикомъ.
Островами новыми встанутъ въ океанѣ
Сонмы рыбъ, тѣснящихся въ ярости желаній.
Разбѣгутся звѣри по полямъ и нивамъ,
Прыгая, кувыркаясь въ полуснѣ счастливомъ;
И на бѣлой площади сѣверной столицы
Будутъ ползать змѣи и скакать тигрицы.

И люди, медленно пьянѣя,
Забудутъ скудныя дѣла,

Какъ будто первая Астрея
Въ міръ изнемогшій снизошла.

Затихнутъ страшныя машины
И фабрикъ рѣзкіе гудки,
И не подыметъ ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.

Всѣ будутъ въ праздничныхъ одеждахъ,
Въ поляхъ, въ пути, на площадяхъ,
Твердя о сбывшихся надеждахъ,
Восторженно цѣлуя прахъ.

И вдругъ все станетъ такъ понятно:
И жизнь земли, и голосъ рѣкъ,
И звѣздъ магическія пятна,
И золотой наставшій вѣкъ.

Возстанутъ новые пророки,
Съ святымъ сіяньемъ вкругъ волосъ,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемірныхъ грезъ!

И люди всѣ, какъ сестры-братья,
Семья единаго отца,
Протянутъ руки и обънтья,
И будетъ радость безъ конца.

Земля, какъ всегда, не устанетъ кружиться,
Вкушая то знойнаго свѣта, то ночи,

Но снами никто не захочетъ упиться,
И будутъ во мракѣ восторженнѣй очи.
Въ полярныхъ пустыняхъ, въ тропическихъ чащахъ,
Въ открытыхъ дворцахъ и на улицахъ шумныхъ
Начнутся неистовства сонмовъ кипящихъ,
Пиры и веселья народовъ безумныхъ.
Покорные тѣмъ же властительнымъ чарамъ,
Веселые звѣри вмѣшаются въ игры,
И дѣвушки въ пляскѣ прильнутъ къ ягуарамъ,
И будутъ съ дѣтьми какъ ровесники тигры.
Безмѣрные хоры и пѣсенъ и криковъ,
Какъ дымы, подымутся въ небо глухое,
До Божьихъ подножій, до ангельскихъ ликовъ,
Мірамъ славословя блаженство земное.

Дыханьемъ, наконецъ, безсильно опьянѣвъ,
Гдѣ въ зимнемъ блескѣ звѣздъ, гдѣ въ яркомъ лѣтнемъ свѣтѣ,
Возжаждутъ всѣ любви—и взрослые и дѣти—
И будутъ женщины искать мужчинъ, тѣ—дѣвъ.
И всѣ найдутъ себѣ, кто друга, кто подругу,
И силъ не будетъ имъ насытить страсть свою,
И съ Сѣвера на Югъ и вновь на Сѣверъ съ Юга
Помчитъ великій вихрь единый стонъ: „люблю!“
И звѣри межъ людей на тѣхъ же камняхъ лягутъ,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,
На ступеняхъ дворцовъ, у позабытыхъ пагодъ,
Въ раздоліи полей, близъ моря, у ключа.
И странные цвѣты живыми лепестками
Засыплютъ, словно снѣгъ, лежащія тѣла.
И будетъ въ яркій день лазурь горѣть звѣздами,
И будетъ ночи мгла, какъ знойный часъ, тепла.
Среди чудовищныхъ видѣній и фантазій,
Среди блуждающихъ и плоть принявшихъ сновъ,
Все жившее замретъ въ восторженномъ экстазѣ,
И Смерть закинетъ сѣть на свой послѣдній ловъ.
Ничто не избѣжитъ своей судьбы блаженной,

Какъ первые въ раю—послѣдніе уснутъ...
И ангелъ вострубитъ надъ смолкнувшей вселенной,
Всѣ тысячи вѣковъ зовя на общій судъ.

1903.

III.

ВО ХРАМѢ БЭЛА.

1.

Ассура край постигло наводненье,
Погибли сѣвы, смытые водой,
Хирѣли, влагой пьяныя, растенья.

Народъ стоналъ, ошеломленъ бѣдой,
И яростно всѣ требовали чуда,
Тѣснясь во храмъ, съ надеждой и враждой.

Дымилась жертвъ обугленная груда,
Всходили дымы факеловъ и свѣчъ,
Не молкли день и ночь стенанья люда...

Самъ царь пришелъ свою свѣчу возжечь,
И вотъ, въ благомъ присутствіи владыки,
Верховный жрецъ къ народу началъ рѣчь:

„Такъ говоритъ Ассуръ. Грѣхи велики
Народа, позабывшаго боговъ.
Что̀ мнѣ отвѣтить на мольбы и крики?

Они для брашенъ берегутъ тельцовъ,
А мнѣ—лишь дымъ. Имъ—соки винограда,
Мнѣ—выжимки. Мнѣ—кровь, имъ—весь уловъ.

Но я, какъ сто волковъ, найду на стадо;
Какъ вихрь пустынь, засыплю ихъ поля!
Несите жертвъ. Я—богъ! Мнѣ много надо!

Двѣнадцатую долю удѣля
Отъ всѣхъ избытковъ, да сберутся въ храмѣ,
Посыпавъ главы пепломъ и моля.

Быть можетъ, тронусь я тогда мольбами.
Внемлите. Такъ рабамъ вѣщаетъ Бэлъ:
Прекраснѣйшую дѣвушку межъ вами

Найдите. Стыдъ ея да будетъ цѣлъ.
Ея лицо—цвѣтовъ весеннихъ краше,
Ея хребетъ—какъ снѣгъ нагорный, бѣлъ.

Тогда виномъ наполните двѣ чаши,
И въ замкнутомъ покоѣ храмовомъ,
Гдѣ башни верхъ, поставьте ложе наше.

Да насъ никто не видитъ въ залѣ томъ,
Да мы никѣмъ услышаны не будемъ,
И я тогда, въ наитіи благомъ,

Какъ дѣвы мужъ, явлюсь, быть можетъ, людямъ!"

2.

Утромъ ее убирали къ вѣнцу,
Умащали ей станъ ароматами.
Какъ подошли ей цейлонскіе перлы къ лицу,
Какъ она выросла сразу подъ тканями пышно-богатыми!

Очи ей черными сдѣлалъ пылающій югъ,
Дѣва-Астарта ее одарила своими пристрастьями.
Какъ обозначились выгибы дѣвственныхъ рукъ
Подъ золотыми запястьями!

Ею отпразднованъ только тринадцатый праздникъ весны:
Годы — такъ тихо невинные.
Въ черныя косы ея вплетены
Нити изъ жемчуга длинныя...

Еще вчера, еще недавно
Она пасла свои стада,
Какъ серна въ полѣ, своенравна,
Какъ барсъ, упряма и горда.

Ея младенческое тѣло
Еще не знало стрѣлъ страстей,
И въ очи юношей глядѣла
Она съ небрежностью дѣтей.

И даже сонъ мечтой грѣховной
Еще не смѣлъ ее смутить,
И дни ея мелькали ровно,
Какъ бусы нижутся на нить.

Она сегодня—невѣста Бэла,
Она сегодня войдетъ во храмъ,
Чтобъ богу Солнца довѣрить тѣло.

Она сегодня, подъ звонъ напѣва,
Подъ звуки бубновъ, войдетъ во храмъ,
Глядя стыдливо, еще какъ дѣва.

Еще сегодня, тропой горящей,
Богъ безпощадный войдетъ во храмъ,
Какъ мужъ поникнетъ надъ лономъ спящей.

Она сегодня рабой дрожащей
Познаетъ бога... Идетъ во храмъ
Богъ лучезарный, богъ пепелящій!

3.

Таинственно уединенъ покой
На выси храма, странный, съ гробомъ схожій;
Тамъ оконъ нѣтъ, и безпредѣльной тьмой
Окружено единственное ложе.

Она не спитъ, она глядитъ во тьму,
Рукой прижавъ ко грудямъ ожерелья,
И ждетъ, дрожа, безсвѣтнаго, къ кому
Пришла на свадебное новоселье.

Но зной томитъ; съ курильницъ ароматъ
Встаетъ, томя и взоры и движенье;
Уже рѣсницы длинныя дрожатъ,
Уже въ колѣняхъ дѣтскихъ онѣмѣнье.

Чтъ будетъ? Въ тишинѣ взгремитъ ли громъ?
Прольется ль въ сумракъ дождь змѣистыхъ молній?
Молчи! Встрѣчай грядущаго лицомъ,
Предъ родиной святой обѣтъ исполни!

Тотъ будетъ ли могучъ, какъ дикій быкъ?
Навалится-ль какъ пламенная груда?

Она, слабѣя, подавляетъ крикъ,
Дрожитъ въ дремотѣ, въ предвкушеньи чуда...

Иль будетъ онъ, какъ свѣтъ небесный, тихъ,
Прекрасный юноша, съ очами лани?
Чу! смутный стукъ! Ужель грядетъ женихъ?
Она—въ бреду отъ страха и желаній...

Припасть къ нему! Нѣтъ, скрыться, умереть,
Не быть! Не надо, ничего не надо!
На мысли странная ложится сѣть,
Въ безвольныхъ членахъ странная услада.

4.

Онъ сошелъ не въ лучахъ огневого вѣнца.
Ты во мракѣ его не узнала лица,
Въ тишинѣ его голоса ты не слыхала.
Было страшно и сладко, и много и мало.
Было-ль это свершенье священныхъ надеждъ?
Чьи-то руки коснулись пурпурныхъ одеждъ,
Чье-то тѣло коснулось безсильнаго тѣла,
И въ объятьяхъ внезапныхъ ты вся холодѣла,
И не знала гдѣ боль, и не знала гдѣ стыдъ.
Поцѣлуи томили окраску ланитъ,
На рукахъ колыхало объятье запястья,
И страданья, сливаясь съ безмѣрностью счастья,
Повторялись и жгли, наполняя всю ночь...
Ты не знала, когда удалился онъ прочь,
Ты очнулась одна на таинственномъ ложѣ,
Въ этой спальнѣ глухой, на могилу похожей,
Двѣ лампады, горя, озаряли покой...
Въ сердцѣ—стыдъ, въ мысляхъ—бредъ, въ тѣлѣ—зной...
И, томясь отвращеньемъ иль чистой любовью,
Ты смотрѣла на поясъ, забрызганный кровью.

5.

И въ то же утро солнце пронизало,
Побѣдное, губительный туманъ.
Вода съ полей, открывъ посѣвы, спала.

Опять спѣша въ родимый океанъ,
Въ свое русло вездѣ вошли потоки;
И былъ весь міръ лучами осіянъ.

Жрецы боговъ, надменны и жестоки,
Считали въ храмахъ груды серебра,
И на камняхъ свои чертили строки;

А люди, вопіявшіе вчера,
Несли свои благодаренья богу,
За то что счастья вновь пришла пора.

Толпа тѣснилась къ царскому чертогу,
Въ желаньи видѣть ту, что ихъ спасла,—
И дѣву Бэла вывели къ порогу.

Она была робка и не свѣтла,
Ее томили царскіе наряды,
И лишь горѣла косъ ея смола.

Стремились къ ней восторженные взгляды,
Кричали всѣ: „Тебя избралъ самъ Бэлъ!“
А съ крыши храма, тамъ, гдѣ колоннады

Скрывали дверь въ святилище, смотрѣлъ
Жрецъ младшій Солнца. Пламенныя очи
Его—казались остріями стрѣлъ:

Онъ вспоминалъ о тайнахъ грѣшной ночи.

1903.
Старое Село.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Стихи, не включенные въ сборникъ „Urbi et Orbi“, и отрывки неоконченныхъ поэмъ.

I.

ПУТЬ.

Вышелъ въ дорогу я утромъ зеленымъ,
Шелъ, не молился дорожнымъ иконамъ,
Сладко былъ вѣренъ разсвѣтной мечтѣ:
Грезѣ, представшей въ нагой красотѣ.

Время настало томительной жатвы.
Многимъ шепталъ я мгновенныя клятвы,
Грудь распахнулъ для безчисленныхъ жалъ,
Многимъ я очи и плечи лобзалъ.

Путь я прошелъ до его половины.
Многіе лики смежились въ единый.
Сладко я вѣренъ вечерней мечтѣ.
Жду: вотъ предстанетъ въ нагой красотѣ.

1903.

II.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Огни по городу погасли,
На улицахъ нѣмая мгла.
Вотъ Мать кладетъ Младенца въ ясли,
Надъ нимъ поникла, замерла.

Темно въ ихъ храминѣ убогой,
Солома въ ясляхъ холодна,
И зимній вѣтеръ стонетъ строго,
Стучится въ дверь и у окна.

Но, окруженъ своимъ сіяньемъ,
Младенецъ свѣтится изъ мглы;
Его согрѣть своимъ дыханьемъ
Спѣшатъ покорные волы;

Къ Нему волхвы въ чужой пустынѣ
Путь направляютъ по звѣздамъ,
И ангелы, изъ тверди синей,
О Немъ вѣщаютъ пастухамъ.

1902.

III.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Старый годъ! Уже такъ мало
Жить ему дано.
И блеститъ въ стеклѣ бокала
Пѣнное вино.

На незримой узкой грани
Разныхъ двухъ годовъ
Въ исполненіе желаній
Вѣрить міръ готовъ.

Вѣрятъ всѣ, что привидѣньемъ
Сгинетъ старый годъ,
Что за радостнымъ мгновеньемъ
Счастье, счастье ждетъ!

Вѣрьте въ свѣтлые обманы!
Вѣрьте въ тайны сновъ!
И звенятъ, звенятъ стаканы
Подъ напѣвъ часовъ.

1902.

IV.

ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Я съ дѣтства знала только монастырь.
Мой взоръ стѣсненъ былъ каменной оградой;
За ней полей распростиралась ширь,
Но этой воли не было мнѣ надо.
Нашъ міръ замкнутый для меня таилъ
Довольно и печалей и веселій,—
Въ затишьи церкви, межъ нѣмыхъ могилъ,
Въ задумчивомъ саду, въ молчаньи келій.
Я путала почившихъ и живыхъ;
Читая имена на стертыхъ плитахъ,
Мечтала, кто тамъ спитъ, любила ихъ—
Невѣдомыхъ, родными позабытыхъ.
И каждый кустъ признала я въ саду,
Объ немъ скучала въ сумрачныя зимы.
Дохнетъ февраль,—я по-снѣгу иду
Смотрѣть, не сломанъ ли дубокъ любимый.
Я знала въ церкви лики всѣхъ иконъ
(Ихъ каждый день мѣнялось выраженье);
Любила праздничный веселый звонъ
И пышное пасхальное служенье;
Любила чинный строй въ монастырѣ,
Безсмѣнный, независимый отъ міра,
И раннее вставанье на зарѣ
Къ заутрени, когда свѣжо и сыро...
. . . . . .

1901.

V.

ВЪ ГОРАХЪ.

1.

Безмолвны горы, грань родной страны,
Одинъ лишь путь въ скалахъ—унылъ и тѣсенъ,
Непроходимъ зимой и въ дни весны;

Но край долинный пышенъ и чудесенъ;
Въ зеленыхъ рощахъ шепчутся ручьи,
Весной не молкнетъ голосъ птичьихъ пѣсенъ.

Мнѣ помнится: въ дни ранніе мои
Я весь сливался съ бытіемъ дубравы,
Мои мечты, казалось мнѣ,—ничьи.

Я самъ впивалъ росу, какъ утромъ травы,
Я къ небу восходилъ, какъ водный паръ,
И легкихъ мошекъ я дѣлилъ забавы.

Живя въ усладѣ перемѣнныхъ чаръ,
Я съ дѣтства предавался пѣснопѣньямъ,—
И былъ мнѣ сладокъ мой природный даръ.

Но разъ, исполненъ сладкимъ умиленьемъ,
Я надъ ручьемъ склонялся, гдѣ вода
Бѣжала по сверкающимъ каменьямъ.

И вдругъ въ волнахъ, идущихъ безъ слѣда,
Листокъ плывущій зацѣпился стеблемъ,
И мимо струй помчалась череда;

И долго онъ стоялъ, ручьемъ колеблемъ...
И мнѣ представилось: мы всѣ—листы,
Отдавшіе себя вседневнымъ греблямъ.

Насъ всѣхъ влечетъ теченіе мечты,—
Но есть такой, кто дремлетъ, неподвиженъ...
И вдругъ себѣ я молвилъ: „Гдѣ же ты?“

Я этой мыслью странно былъ униженъ,
Отъ водъ, и травъ, и вѣтра отдѣленъ,
И міръ впервые сталъ мнѣ непостиженъ.

Какъ будто разорвался сладкій сонъ,
Какъ будто сразу я постигъ иное,
И я заплакалъ, тайной пораженъ.

Съ тѣхъ поръ лѣса и солнце золотое
Мнѣ стали чужды; духъ вовлекся мой
Въ какое-то томленье роковое.

И много дней я былъ томимъ тоской.
Потомъ тайкомъ, въ глухую ночь, какъ воры,
Покинулъ молча домъ родимый свой,

И въ путь пошелъ, къ иной странѣ, за горы.

2.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Въ странѣ у нихъ шестнадцать городовъ,
Большихъ, съ церквами, съ цирками, но самый
Прославленный межъ всѣми—Городъ Сновъ.

Въ немъ улицы, какъ лучъ закатный, прямы,
Въ немъ сдвинуты дома и высоки,
Въ немъ всеобъемлющи и горды храмы.

Онъ распростерся у нѣмой рѣки,
И воды, молча облизавъ граниты,
Уходятъ спать на бѣлые пески.

На улицахъ уступчивыя плиты
Въ себѣ скрываютъ ровный шумъ колесъ;
Всѣ окна всѣхъ домовъ всегда закрыты.

Въ той мѣстности не знаютъ буйныхъ грозъ.
За лѣтомъ тамъ весна и снова лѣто;
И жизнь проходитъ въ смѣнѣ сонныхъ грезъ.

Угрюмо встрѣтилъ Городъ Сновъ поэта,
Когда въ него, въ часъ утра, я входилъ,
Съ мечтой, что здѣсь добьюсь и я отвѣта.

Разсвѣтный лучъ строенья золотилъ,
Кой-гдѣ лѣниво спорилась работа,
И тихо-тихо колоколъ звонилъ.

И вдругъ меня окликнулъ темный кто-то:
Сѣдой старикъ, съ осанкою жреца.
Онъ мнѣ сказалъ: „Въ твоихъ глазахъ забота,

Въ твоей душѣ—исканье безъ конца,
Зачѣмъ же ты пришелъ сюда, въ столицу,
Гдѣ жаждутъ лишь спокойствія сердца?

Остерегись нарушить вереницу
Спокойныхъ сновъ, витающихъ вокругъ!
Здѣсь обрекаютъ смерти даже птицу,

Что чертитъ въ небѣ слишкомъ вольный кругъ!
Мнѣ жаль тебя, о юноша! Обратно
Спѣши. Я говорю съ тобой, какъ другъ!“

. . . . . .

1902.

VI.

ЗАПЕЧАТЛѢННАЯ КНИГА.

Я жизни лживой всѣ извѣдалъ доли,
Испробовалъ всѣ вкусы бытія.
Теперь я дни влеку, какъ волъ въ неволѣ,
И съ каждымъ шагомъ глубже колея.
Я счастьемъ заплатилъ на шумномъ торгѣ
За истину,—фонарь ненужный мнѣ!
И вдругъ упалъ сквозь страсти и восторги,
Какъ камень въ пропасть, и лежу на днѣ.
Постигъ я вѣсъ и вѣчности и мига:
Они легки, какъ восходящій паръ.
Знай ты, предъ кѣмъ открылась эта книга!
Я молодъ былъ, какъ ты, и нынѣ старъ.
Старикъ, какъ жрецъ, и говорить онъ вправѣ!
Блаженствомъ не даритъ ни сонъ, ни явь,
Но людямъ нѣтъ путей изъ сна и яви...
Кто знаетъ большее, скажи, наставь!..

. . . . . .

1903.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Бесѣда—„Бесѣда“ (ежемѣсячный журналъ, 1904 г.).
Вар.—варіантъ.
Грифъ—альманахъ к-ва „Грифъ“, М. 1903.
ред.—редакція.
Е. С.—„Ежемѣсячныя Сочиненія“ (ежемѣсячный журналъ, 1901—1903 г.).
З. Р.—„Золотое Руно“ (ежемѣсячный журналъ, 1906 г.).
Изд. 1.—Urbi et Orbi“. Стихи 1900—1903 г. К-во „Скорпіонъ“. М. 1903.
Изд. 2.—„Пути и Перепутья“, собраніе стиховъ. Томъ II. К-во „Скорпіонъ“. М. 1908.
Кат.—I каталогъ к-ва „Скорпіонъ“, М. 1902.
К. Р.—„Книга Раздумій“. Спб. 1899.
Лѣствица — „Лѣствица“, поэма А. Л. Миропольскаго. К-во „Скорпіонъ“, М. 1903.
Н. П.—„Новый Путь“ (ежемѣсячный журналъ, 1903 г.).
Почт.—„Почтальонъ“ (ежемѣсячный журналъ, 1902—1903 г.).
П. и П.—„Пути и Перепутья“ см. выше.
Реб.—„Ребусъ“ (еженедѣльный журналъ, 1901 г.).
рук.—рукопись.
Р. Л.—„Русскій Листокъ“ (газета, 1902—1903 г.).
С. Ц.—„Сѣверные Цвѣты“, альманахи к-ва „Скорпіонъ“, М. 1901—1903.

URBI ET ORBI.

1-ое изд. М. 1903. 2-ое изд. П. и П. т. II. М. 1908.

Вступленія.

I. По улицамъ узкимъ. С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2.
II. Лѣстница; III. Послѣднее желаніе; VIII. Искатель; IX. Нить Аріадны; X. Блудный сынъ; XII. Въ отвѣтъ. Н. П. 03; Изд. 1; Изд. 2.
IV. У себя; V. Побѣгъ; VI. Работа; XI. У земли. Изд. 1; Изд. 2.
VII. Мечтаніе. Печ. въ первый разъ.

Пѣсни.

I. Фабричная; II. Фабричная; III. Дѣтская; VII. Веселая. С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2.
IV. Сборщиковъ. К. Р.; С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2.
V. Солдатская. С. Ц. 02; Изд. 1.
VI. Дѣвичья. Изд. 1; Изд. 2.

Баллады.

I. Рабъ. Изд. 1; Изд. 2. Вар. рук.:

ст. 3. Лишь обожженный взоромъ чернымъ.
19—20. И мѣсяцъ, сладко очарованъ,
Ронялъ въ окно гирлянды розъ.
29—31. И юноша вошелъ безвѣстный...
Она, покорная, ждала,
А гдѣ-то пѣли гимнъ невѣстный.

Вар. Изд. 1.

ст. 26. До ткани, покрывавшей грудь.
28. Но долженъ былъ опять взглянуть.
29—31. Вошелъ къ ней юноша... И встрѣчи
Она, покорная, ждала.
Погасли факелы и свѣчи.

II. Пеплумъ. Е. С. 01; Изд. 1; Изд. 2. Въ Е. С. заглавіе—„Изъ античнаго сумрака".

III. Рабыни. Изд. 1; Изд. 2.

IV. Помпеянка. Изд. 1; Изд. 2. Въ Изд. 1 вар.

ст. 5—7. Была любима я владыкой міра,
А мнѣ былъ любъ одинъ нубійскій рабъ.
Не жду надъ гробомъ лести: univira.

V. Мессалина. Печ. въ первый разъ.

VI. Путникъ. Изд. 1; Изд. 2.

VII. Приходи путемъ знакомымъ... З. Р. 06.

VIII. Адамъ. Изд. 1; Изд. 2. Въ Изд. 1 заглавіе—„Дѣва".

IX. Въ сумракѣ. З. Р. 06; Изд. 2.

X. Рѣшетка. Изд. 1; Изд. 2. Въ обоихъ изд. безъ 3-ьей строфы.

XI. У моря. Р. Л. 02; Изд. 2.

XII. Мальчикъ. Печ. въ первый разъ.

—

Думы.

I. L'ennui de vivre... С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2. Первоначальные вар. (корректура С. Ц.):

ст. 3. И сновъ, прельщающихъ во снахъ.
11—17. За мной мои стихи бѣгутъ, крича,
За мною замысловъ недовершенныхъ тѣни,
И толпы думъ, безъ формы, безъ числа,
И груды книгъ, какъ прахъ въ закрытомъ склепѣ,
И женщинъ жадныя тѣла,
Повисшія на прочной цѣпи...
Ихъ много!.. женщины! васъ первыми забыты!

54—62. Но васъ, и васъ теперь, любимцы, я кляну,
Васъ предаю, безчисленныхъ, проклятью;
Идете вы за мной непобѣдимой ратью,
И всѣ мои мечты давно у ней въ плѣну.
Вы тянетесь за мной, какъ длинные обозы,
Навьюченные всѣмъ, что̀ можно мыслить, всѣмъ!

О, гордые творцы торжественныхъ поэмъ,
Которымъ отрокомъ я отдалъ дрожь и слезы!
Вы вырвали языкъ изъ устъ моихъ, я—нѣмъ,
И собственныхъ рѣчей не обрѣтаютъ грезы.

II. Habet illa in alvo. С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2. Вар. рук..

послѣ ст. 40. Въ ней все минувшее и будущее міра;
Онъ былъ бы безъ нея мелькнувшій, бѣглый звукъ;
Въ ней вся исторія, всѣ домыслы наукъ,
Мечты пророковъ, образы Шекспира.
И мы прошли бы всѣ и стали бы ничѣмъ
Въ небытіи пугающе угрюмомъ,
Гдѣ взору красокъ нѣтъ, гдѣ голосъ нѣмъ:
Ты длительность даешь и нашимъ, нашимъ думамъ!

Къ этому же замыслу относится стихотвореніе, не бывшее въ печати:

Ты—женщина, ты—все, что внѣ, „не я".
Твоя судьба—извнѣ принявъ желанье,
Лелѣять мудро тайну мірозданья,
Живой сосудъ тѣлесности земной.
Ты въ мукахъ чрева намъ рождаешь время;
Въ тебѣ условія и прелесть бытія.
Надъ міромъ ты стоцвѣтной пеленой
Висишь какъ небо,—роковое бремя!

А я межъ тѣмъ всегда порывъ таю.
Дающій страсть, владѣющій, творящій,
Языками къ природѣ говорящій,
Я каждый мигъ ступаю на предѣлъ.
Но, Красотой, какъ тѣнью, очарованъ,
Я отбѣгаю вновь во тьму твою.
На днѣ какомъ-то, въ царствѣ пьяныхъ тѣлъ,
Безмѣрно я блаженъ, но тайно скованъ.

Нашъ путь ведетъ къ сверженью всякихъ узъ.
Но мы, какъ два крыла безумной птицы,
Бросаемой къ гробницѣ отъ гробницы!
Кто насъ связалъ, какъ вѣчныхъ двойниковъ,
Повлекъ за грани и пригнулъ къ заботѣ?
Кто увѣнчалъ святыней нашъ союзъ?
И вѣчно ль намъ метаться межъ гробовъ
Въ проклятомъ рабствѣ у безсмертной плоти!

III. Искушеніе. Изд. 1; Изд. 2. Вар. рук.:

послѣ ст. 12. Я не въ полѣ! я надъ бездной!
Я на грани двухъ міровъ!

Слѣва—міръ Судьбы желѣзной,
Справа—глуби безъ вѣковъ.
Есть возможность, есть иное,
Шагъ—и ты не человѣкъ!
Не туда ль летитъ земное,
Словно въ море воды рѣкъ?

Вар. Изд. 1:

Гимнъ, ст. 5—7. Мракомъ міръ не скованъ,
Послѣ ночи—свѣтъ.
Тѣмъ, кто коронованъ...

IV. Италія. С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2. Вар. рук.:

ст. 42—46. И Римъ, какъ драконъ зачарованный,
Ужасный въ паденьи своемъ,
Какъ дьяволъ, архангеломъ скованный,
Волшебнымъ покоится сномъ.

65—66. Ты случайнаго скитальца
Приняла въ своемъ дворцѣ.

V. Парижъ. Изд. 1; Изд. 2. Первоначальный вар. начала:

И мнѣ понравился
Ты, многоликій городъ!
Я полюбилъ твои сѣрые дворцы,
Вѣчное трепетанье,
Немолчный голосъ:
Выкрики газетчиковъ,—щелканье бичей,—бубенцы,
И ночное сверканье.

Жизнь—твоя стихія; ты постоянно клокочешь;
Неисчерпаемые людскіе потоки въ твоихъ каменныхъ ложахъ —
Рѣки, что льются въ открытую вѣчность!
Ничтожны и радостны лица прохожихъ,
Лепечетъ забота, смѣется безпечность,
А ты своимъ сдержаннымъ грохотомъ надъ ними пророчишь!
Когда надъ бульварами небо становится темнымъ,
И, тѣсно, рядами летятъ экипажи,
И вертятся вывѣски въ яркомъ огнѣ,
И фонари въ высотѣ разстилаются пламенной пряжей,
И потоки людей наростаютъ приливомъ огромнымъ, —
Все кажется мнѣ:
На приступъ каменныхъ башенъ
Идутъ враждебныя рати
И гибнутъ среди безумныхъ проклятій;

Гибнутъ вѣка, поколѣнья, народы,
Но колоссъ, неподвиженъ и страшенъ,
Стоитъ столѣтья, какъ годы!
Ты стоишь, великій городъ.
Разбиваются люди о каменныя ступени,
Падшихъ давитъ твоя стопа,
Но на позорѣ паденій
Выростаетъ другая толпа.
Ты стоишь, великій городъ,
Какъ Судьба, —
И человѣчества съ городомъ длится борьба!
. . . . . .

На маленькомъ островѣ, уединенно отъ свѣта,
Старинный высится храмъ,
Освященный вниманьемъ великаго поэта...
Я тебя полюбилъ, Notre Dame!
О, твои узорныя стекла,
О, эти розетки, гдѣ-то тамъ, въ вышинѣ!
За ними вся жизнь, съ ея водоворотами, блекла,
И, согласно съ душой, пѣлъ органъ въ тишинѣ.
Подъ этотъ напѣвъ полусонный
На цвѣтной миражъ, какъ влюбленный,
Я смотрѣлъ,
И, въ таинственномъ блескѣ,
Вращалъ свои арабески
Неземной калейдоскопъ,
Все въ гармоніи стройной сливая...
(А органъ пѣлъ!)
И все исчезало,—бытіе и гробъ...
Такъ въ блаженныхъ селеніяхъ рая,
Въ садахъ нездѣшнихъ,
Подъ тихое ангеловъ пѣнье, —
Видѣнья
Услаждаютъ очи безгрѣшныхъ...
. . . . . .

VI. Міръ. Изд. 1; Изд. 2.
VII. In hac lacrimarum valle. С. Ц. 02; Изд. 1; Изд. 2. Вар. рук.:

ст. 26—57. Я взойду на эти выси,
Разсмѣюсь я въ тишинѣ,
И на смѣхъ отвѣтятъ мнѣ
Въ пробужденныхъ дебряхъ рыси.

Стану рыскать наугадъ,
По лѣсамъ и краснымъ скаламъ,
Съ дикимъ звѣремъ—давній братъ,
Другъ привычный съ бѣсомъ малымъ.

Чуя въ запахѣ козу,
Выйдутъ силены-козлята,
Безобразны и рогаты.
Я за ними поползу.

Тѣ, безстыдны и лукавы,
Замыслъ свой довѣрятъ мнѣ.
Всѣ бывалыя забавы
Вновь воскреснутъ при лунѣ!

А когда придетъ истома,
Растянувшись у ручья,
Буду долго слушать я
Болтовню земного гнома.

Послѣ, въ поздній часъ ночной,
Обрученъ съ лѣсною дѣвой,
Этихъ сосенъ королевой,
Съ ней забудусь подъ сосной.

И, покинувъ утромъ выси,
Внизъ идя въ дневномъ огнѣ,
Буду знать, что въ вышинѣ
Надо мной хохочутъ рыси.

ст. 72—73. Мнѣ по рѣшенью Рока дана моя стезя;
Я выбранъ противъ воли, мнѣ быть инымъ нельзя.

Элегіи.

I. **Женщинамъ**. Изд. 1; Изд. 2.

II. **Свиданіе**. Изд. 2. Въ рук. еще одна, вступительная, строфа:

Въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, придуманныхъ развратомъ,
Гдѣ всѣмъ предложена наемная кровать,
На ложѣ общихъ ласкъ, еще недавно смятомъ,
Намъ было суждено забвеніе познать.

III. **Въ ночномъ безлюдіи**. Почт. 02; Изд. 1; Изд. 2. Въ Почт.—редакціонные пропуски.

IV. **Красное небо**. Печ. въ первый разъ.

V. Въ Дамаскъ. Изд. 1; Изд. 2.
VI. Гіацинтъ. Е. С. 02; Изд. 1; Изд. 2.
VII. Подражаніе Гейне. Печ. въ первый разъ.
VIII. Прощальный взглядъ. Н. П. 03; Изд. 1; Изд. 2.
IX. Къ близкой; X. Пытка; Изд. 1; Изд. 2.
XI. Эпизодъ. Отд. 1—Изд. 1; Изд. 2; отд. 2—3—печ. въ первый разъ.
XII. Таинства ночей; XIV. Одиночество. Изд. 1; Изд. 2.

Сонеты и терцины.

I. Отверженіе; II. Втируша. Изд. 1; Изд. 2.
III. Сонетъ; IV. Въ моей душѣ. Печ. въ первый разъ.
V. Женщина; VII. Mon rêve familier. Изд. 1; Изд. 2.
VI. Лѣсная дѣва; VIII. Sancta Agatha. Грифъ 03; Изд. 1; Изд. 2.
IX. Терцины къ спискамъ книгъ. Кат. „Скорпіона“ 02; Изд. 1; Изд. 2.

Картины.

I. Люблю одно. Р. Л. 02; Изд. 1; Изд. 2,
II. Раньше утра; III. Каменщикъ. Изд. 1; Изд. 2.
IV. Мальчикъ. Р. Л. 03; Изд. 1; Изд. 2.
V. Царица; VI. Прохожей; VII. Голосъ часовъ. Изд. 1; Изд. 2.
VIII. На скачкахъ. Изд. 1.
IX. Чудовища; X. Зимніе дымы; XI. Оклики демоновъ; XII. Ночь. Изд. 1; Изд. 2.
XIII. Зимняя красота; XIV. Прелести земли. Изд. 1.

Антологія.

I. Яростныя птицы. С. Ц. 03; Изд. 1; Изд. 2.
II. Сладострастіе; III. Въ раю. Изд. 1; Изд. 2.
IV. Сонъ. Изд. 1; Изд. 2. Въ изд. 1 безъ 3-ей строфы.
V. Ледъ и уголь; VI. Знойный день; VII. Облака; VIII. На пескѣ; IX. Колыбельная пѣсня; X. Теремъ. Изд. 1; Изд. 2.
XI. Витязь. Печ. въ первый разъ.
XII. Камни. Изд. 1, съ посвященіемъ А. Добролюбову.
XIII. Презрѣніе. Изд. 1; Изд. 2.
XIV. Къ устью. Р. Л. 03; Изд. 2.

Оды и посланія.

I. К. Д. Бальмонту; II. Ему же. Изд. 1; Изд. 2.
III. Левъ святого Марка. Е. С. 02; Изд. 1; Изд. 2.

IV. **Венеція.** Изд. 1; Изд. 2. Первоначальный вар. рук.:

Неужели я разстанусь съ этимъ моремъ голубымъ,
Съ южнымъ говоромъ и людомъ, съ южнымъ солнцемъ золотымъ!
Здѣсь—пришлецъ я; но когда-то здѣсь душа моя жила.
Это понялъ я, припомнивъ гондолъ черныя тѣла,
Это понялъ, повторяя Юга полныя слова,
Это понялъ, лишь увидѣлъ моего святого Льва!
О Венеція, царица, надъ лагуной міръ дворцовъ!
Не могла тебя унизить ярость взбѣшенныхъ вѣковъ.
Во дворцахъ твоихъ—отели, сняты съ древковъ знамена,
Ты, какъ уличная дѣвка, ежедневно продана;
Но съ румянцемъ, наведеннымъ на морщинистыхъ щекахъ,
Ты, попрежнему, прекрасна, какъ прекрасны феи въ снахъ!
Тѣ же мраморы, что прежде, грѣетъ тотъ же, прежній, свѣтъ,
Застилая хламъ продажный и кіоски для газетъ;
То же небо, что и прежде, смотритъ въ дремлющій каналъ,
На столбѣ своемъ высокомъ вновь Ѳеодоръ задремалъ,
И, тая въ глазахъ открытыхъ, противъ новой жизни, гнѣвъ,
Рядомъ съ нимъ, въ лазури ясной, вновь ступилъ на книгу Левъ

V. **Памяти И. Коневскаго.** Лѣствица 03; Изд. 1; Изд. 2.
VI. **Андрею Бѣлому;** VII. **Младшимъ;** VIII. **Юргису Балтрушайтису.** Изд. 1; Изд. 2.
IX. **З. Н. Гиппіусъ.** Изд. 1.
X. **В. И. Прибыткову.** Реб. 01; Изд. 1.
XI. **Іюль 1903.** Р. Л. 03; Изд. 1. Въ Р. Л. заглавіе — „Двѣнадцатый часъ".

Лирическія поэмы.

I. **Городъ женщинъ.** Изд. 1; Изд. 2.
II. **Послѣдній день.** Изд. 1; Изд. 2. Въ рук. вар. заключительнаго четверостишія.

Ничто не избѣжитъ своей судьбы блаженной,
Всѣ вкусятъ радостно неизбѣжимый часъ,
И черный шаръ земли помчится по вселенной, —
Вдругъ потерявшій блескъ, угаснувшій алмазъ.
И наши замыслы, и наши сны и грезы
Пойдутъ, скитаясь, въ безвѣстные міры
Вѣщать о красотѣ, кричать свои угрозы,
И соблазнять другихъ въ вѣка пустой игры!

III. **Во храмѣ Бэла.** Печ. въ первый разъ.

Приложеніе.

I. Путь. Бесѣда 04.
II. Рождество Христово. Р. Л. 03.
III. Новый годъ. Р. Л. 04.
IV. Въ монастырѣ; V. Въ горахъ. Печ. въ первый разъ.
VI. Запечатлѣнная книга. Печ. въ первый разъ. Къ этому же замыслу относится еще отрывокъ:

На этихъ камняхъ, вытесанныхъ моремъ,
Послѣдній жрецъ, пишу сказанье дней.
Мы, смертные, съ богами міра споримъ,
Но міръ для нихъ—рядъ тесаныхъ камней!
Какъ я черчу на бѣло-твердыхъ плитахъ
За знакомъ знакъ: отвѣтъ свой и вопросъ.
Такъ боги пишутъ на вѣкахъ открытыхъ
Столбцы своихъ неистребимыхъ грезъ.
Все то, чѣмъ жили мы, отцы и дѣды,
Быть можетъ,—сонъ и пѣсня божества,
И нашихъ ратей прошлыя побѣды —
Въ той скорбной пѣснѣ громкія слова!

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихотворенія, отмѣченныя одной звѣздочкой, не были включены въ собраніе „Пути и Перепутья";—отмѣченныя двумя звѣздочками появляются въ печати въ первый разъ.

Стр.

Предисловіе къ III тому VII

URBI ET ORBI.

Вступленія.

I. По улицамъ узкимъ 5
II. Лѣстница 6
III. Послѣднее желанье 7
IV. У себя. 8
V. Побѣгъ 9
VI. Работа. 11
** VII. Мечтаніе. 13
VIII. Искатель. 15
IX. Нить Аріадны. 17
X. Блудный сынъ 19
XI. У земли 21
XII. Въ отвѣтъ 23

Пѣсни.

I. Фабричная 27
II. Фабричная 29
III. Дѣтская 31
IV. Сборщиковъ 32
* V. Солдатская 33
VI. Дѣвичья 35
VII. Веселая 37

Баллады. Стр.

I. Рабъ 41
II. Пеплумъ 43
III. Рабыня 45
IV. Помпеянка 47
** V. Мессалина 49
VI. Путникъ 51
VII. Приходи путемъ знакомымъ 54
VIII. Адамъ 55
IX. Въ сумракѣ 57
X. Рѣшетка 59
XI. У моря 61
** XII. Мальчикъ 63

Думы.

I. L'ennui de vivre 67
II. Habet illa in alvo. 70
III. Искушеніе 73
IV. Италія 78
V. Парижъ 81
VI. Міръ 84
VII. In hac lacrimarum valle 87

Элегіи.

I. Женщинамъ 93
II. Свиданіе 95
III. Въ ночномъ безлюдіи 97
** IV. Красное небо. 99
V. Въ Дамаскъ 100
VI. Пацинтъ. 102
** VII. Подражаніе Гейне 103
VIII. Прощальный взглядъ. 105
IX. Къ близкой. 107
X. Пытка 109
** XI. Элизодъ 110
XII. Таинства ночей 113
XIII. Одиночество 114

Сонеты и терцины.

I. Отверженіе. 119
II. Втируша. 120
** III. Сонетъ 121
** IV. Въ моей душѣ 122
V. Женщина 123

Стр.

VI. Лѣсная дѣва 125
VII. Mon rêve familier 128
VIII. Sancta Agatha 130
IX. Терцины къ спискамъ книгъ 132

Картины.

I. Люблю одно 137
II. Раньше утра 138
III. Каменщикъ 139
IV. Мальчикъ 140
V. Царица 141
VI. Прохожей 142
VII. Голосъ часовъ 143
* VIII. На скачкахъ 144
IX. Чудовища 145
X. Оклики демоновъ 147
XI. Ночь 149
XII. Зимніе дымы 151
* XIII. Зимняя красота 153
* XIV. Прелести земли 154

Антологія.

I. Яростныя птицы 157
II. Сладострастіе 158
III. Въ раю 160
IV. Сонъ 162
V. Ледъ и уголь 163
VI. Знойный день 164
VII. Облака 165
VIII. На пескѣ 166
IX. Колыбельная пѣсня 167
X. Теремъ 169
** XI. Витязь 171
* XII. Камни 173
XIII. Презрѣніе 174
XIV. Къ устью 175

Оды и посланія.

I. К. Д. Бальмонту 179
II. Ему же 181
III. Левъ святого Марка 183
IV. Венеція 185
V. Памяти Н. Коневского 186

Стр.

VI. Андрею Бѣлому 188
VII. Младшимъ 189
VIII. Юргису Балтрушайтису 190
* IX. З. Н. Гиппіусъ 191
* X. В. И. Прибыткову 192
* XI. Іюль 1903. 194

Лирическія поэмы.

I. Городъ женщинъ 197
II. Послѣдній день 201
** III. Во храмѣ Бэла 206

Приложеніе.

* I. Путь 215
* II. Рождество Христово 216
* III. Новый годъ 217
** IV. Въ монастырѣ 218
** V. Въ горахъ 219
** VI. Запечатлѣнная книга 223

Примѣчанія.

Примѣчанія. 227

До конца 1914 года

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Полное собраніе будетъ заключать 25 томовъ. Изданіе выпускается въ переплетахъ по спеціальному заказу издательства, печатается на бумагѣ „верже"; каждый томъ будетъ состоять изъ 16—18 печатныхъ листовъ (260—300 стр.).

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ:

ТОМЪ 1. Портретъ автора. Предисловіе къ полному собранію сочиненій и переводовъ. Юношескія стихотворенія. (1-е изданіе). Chefs d'œuvre. (4-е изданіе, значительно дополненное). Me eum esse. (3-е изданіе, значительно дополненное). Въ этотъ томъ вошло около 90 стихотвореній, не включенныхъ въ собраніе „Пути и перепутья". Примѣчанія и варіанты. Спб. 1913 г. Стр. 270 + XI.

ТОМЪ 2. Tertia Vigilia. (3-е изданіе, значительно дополненное). Спб. 1914. Стр. 294 + VIII.

ТОМЪ 3. Urbi et Orbi. (3-е изданіе, значительно дополненное). Спб. 1914 г. Стр. 242 + VIII.

ТОМЪ 4. Stephanos. Вѣнокъ. (3-е изданіе, дополненное). Всѣ Напѣвы. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 5. Зеркало Тѣней. (2-е изд., значительно дополненное).

ТОМЪ 6. Sed non satiatus. Восьмая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 7. Девятая Камена. Девятая книга стиховъ. (1-е изд.).

ТОМЪ 8. Земная Ось. Первая книга разсказовъ. (3-е изданіе, дополненное 5 разсказами).

ТОМЪ 9. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ. (2-е изданіе, дополненное).

ТОМЪ 10. Огненный ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Первая часть. (3-е изд.).
ТОМЪ 11. Огненный ангелъ. Вторая часть. (3-е изданіе).
ТОМЪ 12. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книги I—II. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 284 + XI.
ТОМЪ 13. Алтарь Побѣды. Повѣсть IV вѣка. Книга III—IV. (1-е изданіе). Спб. 1913 г. Стр. 356 + VI.
ТОМЪ 14. Юпитеръ поверженный. (1-е изданіе).
ТОМЪ 15. Драмы: Земля, Путникъ, Протесилай умершій и др. (1-е изд.). Спб. 1914 г. Стр. 294.
ТОМЪ 16. Далекіе и близкіе. Часть I. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 17. Далекіе и близкіе. Часть II. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 18. Звенья. Статьи теоретическія. Статьи о театрѣ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 19. Мой Пушкинъ. Изслѣдованія и замѣтки о Пушкинѣ, біографическія, критическія и библіографическія. (1-е изданіе).
ТОМЪ 20. За моимъ окномъ. Встрѣчи, впечатлѣнія, мысли. (2-е изданіе, значительно дополненное).
ТОМЪ 21. Французскіе лирики XIX вѣка. Переводы (въ стихахъ) и характеристики. (2-е изданіе, дополненное, съ 15-ю портретами). Спб. 1914 г. Стр. 296 + XVII.
ТОМЪ 22. Поль Вэрленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 23. Эмиль Верхаренъ. Критико-біографическій очеркъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ. Елена Спартанская. Драма. (2-е изданіе, дополненное).
ТОМЪ 24. Эдгаръ По. Собраніе стиховъ въ переводѣ и критико-біографическій очеркъ. (1-е изданіе).
ТОМЪ 25. Разные переводы въ стихахъ. (1-е изданіе).

Цѣна по подпискѣ на 25 томовъ при уплатѣ впередъ стоимости всего изданія—25 руб. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 3 рубля и при выходѣ каждаго тома 1 р. 25 к., послѣдніе 2 тома—безплатно. Желающимъ получать съ доставкой, книги высылаются налож. платежемъ; пересылка по дѣйствительной стоимости. Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома 1 р. 75 к.

Каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ издательства „Сиринъ", СПБ., Пушкинская, 10.

BINDING SECT. SEP 17 1971

PG
3453
B7
1913a
t.3

Briusov, Valerii IAkovlevich
Polnoe sobranie sochine-
nii i perevodov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY